

我的心里只有你

ГОДЫ ОПАВШИХ ЛИСТЬЕВ

我爱你

АЛНА ГОР

Алана Гор

Годы опавших листьев

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=69200386

SelfPub; 2023

Аннотация

1908 год. Мечтающая стать актрисой юная Серафима Шереметьевская сбегает от деспотичного отца. Она едет в пригород Санкт-Петербурга, Гатчину, к своей сестре Наталье Вульферт, но оказывается у закрытой двери. Сестра пропала, а окружающие загадочно молчат. Исчезновение Натальи окутано тайной, попытки разгадать которую затягивают Симу в водоворот приключений. Благодаря актерскому таланту она обманом попадает в хранящий свои темные секреты дом китайского посла. Судьбоносная встреча с сыном посла Тао и неожиданно вспыхнувшая любовь ставят Симу перед трудным выбором. Сложно представить чем грозит участникам этой истории открывающаяся правда и какую цену они готовы заплатить за свое счастье. Вымышленные герои и события плотно переплетаются в романе с реальными. Все совпадения – не случайны, все отличия – вымысел автора. Что есть что читателю предлагается, при желании, разобраться самостоятельно, углубившись в историю России и Империи Цин начала двадцатого века.

Содержание

Пролог	4
Часть I	6
Глава 1	6
Глава 2	12
Глава 3	19
Глава 4	22
Глава 5	29
Глава 6	34
Глава 7	39
Глава 8	43
Глава 9	46
Глава 10	47
Глава 11	49
Глава 12	52
Часть II	58
Глава 1	58
Глава 2	62
Глава 3	71
Глава 4	78
Глава 5	87
Глава 6	91
Глава 7	96
Конец ознакомительного фрагмента.	101

Алана Гор

Годы опавших листьев

Пролог

1936 год

Харбин

На гладкой темно-вишневой поверхности массивного деревянного комода, служившего домашним алтарем, в окружении букетов из ярких бумажных цветов, фарфоровых статуэток, чаш, наполненных рисом, с воткнутыми в него палочками благовоний, притаилась маленькая, потертая и потускневшая от времени фигурка Будды.

Тонкая женская рука аккуратно приподняла фигурку и легонько встряхнула. Внутри послышалось шуршание. Уже немолодая, но все еще красивая китаянка, с глазами полными слез, бережно поднесла будду к губам и нежно его поцеловала. Затем резко подняла руку над головой и с силой швырнула фигурку на пол.

Глиняный будда разбился. На полу, в осколках восточного божества, остался лежать золотой православный крестик с тонкой цепочкой.

Китаянка медленно шла по непривычно опустевшим улицам. Порывы ветра поднимали с земли и кружили в воздухе

сухие кленовые листья.

В безлюдную тишину неожиданно резко ворвался колокольный звон. Казалось, весь город собрался у недавно построенного Софийского собора. Публика, состоящая в основном из остатков русской эмиграции, со скорбными лицами крестилась и входила внутрь.

В середине собора, утопая в цветах, в гробу лежала женщина. Нескончаемой вереницей подходили желающие проститься с усопшей.

Китаянка, покорно дождавшись своей очереди, что-то беззвучно прошептала и вложила в скрещенные на груди руки золотой крестик. Сделав шаг назад, она упала на колени, опустив голову к самой земле.

Публика учтиво обходила застывшую у гроба фигуру.

Толпа на площади замерла в ожидании. Наконец, двери храма распахнулись. Гроб понесли наружу. Кто-то захлопал, его поддержали криками “браво”. Аплодисменты переросли в самую настоящую овацию, сопровождающую в последний путь любимицу публики Харбина, самого русского города в далекой восточной стране под названием Китай.

Часть I

Глава 1

1908 год

Москва

Нежная полупрозрачная листва раннего лета пропускала сквозь себя солнечный свет, подрагивая на ветру.

Афиша на входе в женскую гимназию гласила: “Спектакль “Любовь до гроба” – сочинение г-на Капустина Т. Д., при участии всех гимназисток выпускного класса. Вход свободный!”.

Переполненный зал редкими аплодисментами снисходительно провожал со сцены только что исполнивших свой танец лесных фей.

За кулисой господин Капустин, молодой и, пока ещё не признанный гений, постоянно поправляя очки и промакивая платком пот на лбу, руководил творческим процессом.

– Темные силы! Выходим! – Он пытался пропихнуть на сцену сквозь толпу фей несколько фигур в черных накидках с капюшонами. – Велено в правую кулису! А вы? Куда?! Барышни! Столько репетировали!

– Это Азарова... а мы за ней, – пискляво отозвалась одна из фей, поправляя на голове съехавший на бок цветочный

венки.

– Потом, потом, – отмахнулся от нее Капустин, – раз, – он подтолкнул к сцене темную силу, – два, три, четыре. Фух, – режиссер снял очки и вытер лицо платком.

Четыре фигуры в черных капюшонах наконец расположились полукругом на сцене. Аккомпаниатор ударила по клавишам пианино. После проигрыша фигуры достали из-под плащей бутафорские шпаги и встали на изготовку.

– Граф, вперед! – Громко прошептал господин Капустин. Он оглянулся. Вокруг одни феи, графа нет! – О господи, Се-рафима...

И тут из противоположной кулисы на сцену буквально влетела одетая в самодельные рыцарские доспехи барышня. Даже через небольшую прорезь картонного шлема были видны ее горящие глаза. В руке сверкнула холодная сталь шпаги.

– Точно! – Капустин стукнул себя по лбу кулаком. – Я дубина, – он облегченно выдохнул и с интересом уставился на сцену.

Рыцарь в доспехах направил шпагу в сторону зрительного зала и сделал несколько резких движений, со свистом рассекая воздух. Затем, картинно парируя удары темных сил, он театрально раскидал противников в разные стороны. Враги были повержены. В зале послышались аплодисменты. Две барышни побежали закрывать занавес.

Господин Капустин просиял, окрыленный успехом предыдущей сцены.

– Теперь финал! Графиня, ваш выход!

Занавес открылся. На сцене графиня, миловидная пухленькая девушка, замерла, пристально глядя в одну точку в районе пятого ряда.

Прозвучало музыкальное вступление. Графиня молчала.

– Слова забыла? – Сам себе задал вопрос Капустин. – Барышня Котова, барышня Котова! На море шторм...

Одна фея аккуратно выглянула из-за кулисы в зрительный зал.

– Ну всё, – она обернулась к режиссеру, – в зале юнкер Нерябов!

– И-и...? – ошарашено протянул Капустин.

– И с цветами! – закончила фея.

– Боже, как мило, – залепетали наперебой барышни, – это любовь!

– Тихо вы! – Шикнул Капустин. – На море шторм! На море шторм! – Почти уже в полный голос он пытался подсказывать слова.

В зале послышался ропот.

– Бесполезно! – Резкий голос заставил всех за кулисами обернуться. Барышни слегка расступились, пропуская рыцаря.

Сима протянула руку в доспехах.

– Платок! – Произнесла она приказным тоном. – Кто-то подал платок. – Слова! – Капустин лихорадочно пролистнул сценарий и достал листок. – Расступитесь!

Сима наколола на острие шпаги листок с платком и вытянула руку со шпагой на сцену.

Капустин с ужасом смотрел на клинок.

– У вас шпага настоящая?

Но Сима, даже не повернувшись, она изо всех сил пыталась дотянуться до парализованной подруги, которая стояла слишком далеко. Сима уцепилась за руку Капустина.

– Что за любовь такая, с места не двинется? – процедила она сквозь зубы, – держите меня!

Но Капустин так сильно вспотел от переживаний, что рука выскользнула, и Сима выпала на сцену, еле удержавшись на ногах. Она лишь успела отвести руку, чтобы не уколоть подругу острым лезвием.

Увидев движение на сцене, аккомпаниатор опять заиграла вступление.

Сима, как ни в чем не бывало, спокойно подошла к графине, обошла ее, сняла с кончика шпаги платок, поклонилась.

– Не вы ли обронили сей платок? – произнесла она и сунула платок с текстом графине в руки. Затем опять сделала круг, сильно ущипнула ее за попу и с достоинством удалилась за кулису.

Горе-актриса вздрогнула, оглянулась, посмотрела в листочек и выпалила:

– На море шторм и сильно дует ветер...

Затем глубоко вдохнула, посмотрела на кулису, где ей ободряюще кивала Сима и выжидающе замерли все осталь-

ные, выдохнула и продолжила медленнее:

– А я всё жду, а он всё не идёт! Как перенести сейчас мне муки эти? Чу! Слышу шпаги звон...

За кулисой Сима оглянулась на господина Капустина. Тот стоял с закрытыми глазами и рукой на сердце.

Сима покачала головой, схватила, лежавшие на небольшом столике два кухонных ножа и сильно несколько раз ударила их друг о друга.

Графиня на сцене услышала звон металла и продолжила:

– Ах, это граф!

Сима выбежала на сцену и с чувством воскликнула:

– Меня моя любовь зовёт! – Она подошла к графине, – не виделись мы с вами целый месяц...

По залу пробежал смешок. Капустин за кулисой безмолвно взвыл.

Не обращая внимания на реакцию зала, Сима взяла подругу за руки:

– А вы всё так же хороши, – она на секунду замерла, затем опустилась на колени и скинула с груди доспехи, оставшись в белой окровавленной рубашке.

Графиня бросилась на колени рядом.

– Вы ранены? Вы ранены? Ответьте!

Сима картинно начала падать, протягивая к графине руку.

– Я так люблю тебя, я так к тебе спешил...

Рука обмякла и плавно опустилась. Сима рухнула с сильным грохотом. Шлем с ее головы упал освободив копну

непослушных светло русых волос, и покатился по сцене. Графиня ахнула и упала рядом со своим рыцарем.

Юнкер Нерябов в пятом ряду крепко прижал к себе букет и сглотнул слезу.

Зал воодушевленно аплодировал!

– Симочка! Вам в театр! Дорогая моя, только в театр! – Капустин восторженно сжимал ее руку во время поклона, – вас ждет большая сцена!

– Не думаю, – с натянутой улыбкой Сима следила взглядом за высоким статным мужчиной, Василием Александровичем Шереметьевским – ее отцом, который, с подчеркнuto недовольным видом, направлялся к выходу.

Глава 2

Отец никогда не занимался Симиным воспитанием, но был неизменно строг и вечно недоволен своим единственным ребенком. Окружающие небезосновательно считали их отношения холодными и отстраненными. Мать Симы умерла в родах, подарив мужу не долгожданного наследника, а девочку, которую он совсем не ожидал. Василий Александрович, убитый своим горем, считал, что потерял сразу двоих – горячо любимую жену и сына. Бесплезное, ненужное существо, ко всему еще и виноватое в смерти своей матери, он сразу после рождения передал на руки няньке.

Нянька никогда не сюсюкала и не называла свою подопечную, с причитанием в голосе, сиротинушкой, как обычно заведено в таких случаях. Эта, пышущая здоровьем жизнерадостная простая женщина, принявшая все личные невзгоды, в виде смерти мужа и собственного ребенка, с высоко поднятой головой, олицетворяла собой спокойствие и независимость. Она не боялась порой перечесть Василию Александровичу, который каждый раз после этого грозился отослать ее обратно в деревню и, в конце концов, так и сделал, заменив сухопарой и сдержанной гувернанткой-англичанкой. Но характер Симы к этому времени уже сформировался. Она переняла от няньки ее непокорство и решительность. Теперь все это определенно мешало в общении с отцом, который

требовал беспрекословного повиновения. Естественно, что коса на камень в их отношениях находила часто.

Лет в семь или восемь Сима случайно услышала разговор отца с ее бабушкой, которая пыталась сосватать ему некую княгиню Виленскую. Отец много говорил о верности покойной супруге и жаловался на тяжелый рок. Никакая женщина, по его мнению, не способна была вернуть его счастье, которое так по-варварски отобрала у него Сима. Тогда она узнала о своей чудовищной вине перед отцом. Эта вина по-сути заключалась просто в ее, Симином, существовании. В том разговоре отец нашел ужасные слова, врезавшиеся прямо в сердце. Нянька попыталась убедить Симу в отсутствии ее вины, но не вышло. Это чувство накрепко засело в Симиной голове. Нянька плюнула и выразила надежду на то, что понимание придет к девочке с возрастом.

* * *

Сима помедлила перед входом в их огромную квартиру в бельэтаже на Остоженке, вздохнула и взялась за дверную ручку. Осторожно заглянув внутрь, она тихонько проскользнула в прихожую.

Из столовой доносились голоса, в доме были гости.

– Василий Александрович! Барышня пришли! – На самое ухо Симе завопила неожиданно возникшая рядом Матрена.

– Дура ты, Мотя! – Вырвалось у Симы в адрес прислуги.

– Давайте, давайте! – Матрена, глупо улыбаясь, практически отбирала из рук Симы вещи, – только вас и ожидают. – Она кивнула в сторону гостиной и хитро сощурилась, пытаясь придать выражению своего лица максимум загадочности.

“Не к добру”, – заметила про себя Сима, вырывая из рук Матрены отнятый ею длинный сверток.

– Угомонись! – отрезала она.

Из столовой никто не выходил. Оживленный разговор продолжался. Сима крадучись двинулась по коридору в сторону кабинета.

Голоса в гостиной становились отчетливее.

– Всем известно, брат императора вовсе не проявляет интереса к управлению государством, – произнес отдаленно знакомый Симе мужской голос.

– Да-с... военная служба и, по секрету, женщины, – ответил ему Василий Александрович, – это все, что его интересует.

– Но господа, слава богу, теперь у нас есть наследник! – Произнесла женщина низким грудным голосом.

“Сомовы”, – догадалась Сима. Давно они не появлялись в их доме.

Звякнули рюмки.

– Здоровье императору и наследнику российского престола! – Провозгласил Сомов не совсем твердым голосом, – пьем стоя!

Из гостиной послышался звук движения стула и грохот от его падения. Что-то еще упало и видимо разбилось на столе.

– Борис! – возмутилась Сомова.

– Не беспокойтесь, Эмма Карловна, – произнес Василий Александрович. – Матрена! – Крикнул он, выглянув в коридор.

Сима успела юркнуть в кабинет и притворить дверь, за которой слышались быстрые шаги Матрены.

Там Сима аккуратно развернула сверток. Только она достала из него шпагу, как громом среди ясного неба за ее спиной прозвучал голос Василия Александровича.

– Надеюсь, никого не убила? – Сима замерла, – думала не замечу?

Конечно, она знала, что заметит. И знала, что этот поступок не останется безнаказанным. Но кто думает о последствиях, когда на кону такая эффектная сцена? Разве может бутафорская шпага с безумным свистом рассекать воздух?

Сима повернулась к отцу. Она даже не будет пытаться ему что-то объяснить, это бесполезно. Она просто попросит прощения. Для приличия.

– Оставь, – скомандовал Василий Александрович, – поговорим об этом позже. А сейчас живо за стол!

Сима выдохнула. Ей повезло. Если бы не гости, не видать ей сегодня ужина.

– Серафима Васильевна, душа наша! Заждались! – Воскликнул Борис Петрович Сомов, как только Сима появилась на пороге гостиной. Сомов, наскоро промакивая губы и откидывая в сторону салфетку, поднял из-за стола свою тучную фигуру. Его стул опять чуть было не упал, но его вовремя подхватил симпатичный молодой человек с щегольским усиками. Он вскочил из-за стола одновременно с Сомовым и так и замер по стойке смирно.

– Как же вы выросли! Настоящая барышня! – приговаривал Сомов, целуя Симину руку, – правда, Эммочка? – Сомов обратился к сидящей за столом супруге.

– Симочка, детка! – Улыбка Эммы Карловны прямо таки светилась, – ну подойди же ко мне!

Сима ужасно не любила эти нежности, но делать нечего, не отбиваться же от этой милой добродушной женщины, так сильно прижимающей ее к своей необъятной груди.

– Помнишь ли ты нашего Аркадия? Как вы замечательно играли на даче! – Эмма Карловна перевела взор на все еще стоящего столбом молодого человека и ее улыбка стала еще нежнее. – Аркаша, – позвала Эмма Карловна.

– Аркадий! – Вторил ей, но уже приказным тоном, Борис Петрович, – подойди!

Аркадий послушно военным шагом приблизился к Симе.

Она слегка склонила голову, присела, как благовоспитанная барышня, и протянула кавалеру ручку. Аркадий оглянулся на отца, тот одобрительно кивнул. Аркадий поспешно схватил Симинову руку и поцеловал.

– Аркадий, – отрапортовал он и покосился на свою мать.

Эмма Карловна счастливо вздохнула.

Похоже, что больше Аркадий ничего говорить не собирался. Возникла пауза.

– Василий Александрович, горячее поспело! Велите подавать? – Гаркнула с порога столовой Матрена.

Все вздрогнули.

Аркадий резко отпустил Симинову руку. “Если бы она была хрустальной, то сейчас упала бы и разбилась”, – неожиданно в голове Симины всплыла странная фраза вероятно из какой-то давно прочитанной книги.

– Действительно! Давайте вернемся к ужину! – Провозгласил Василий Александрович. – Матрена, носи горячее! – Он взял со стола графин, – Борис Петрович, еще по коньячку? Или, может, водочки?

Все оживились. Симу посадили рядом с Аркадием.

Нельзя сказать, что она его совсем не помнила. В детстве, когда их отцы вместе служили и надолго отлучались из дома, они частенько проводили лето вместе. Сима верховодила всеми детскими играми. Аркадий же редко принимал в них участие. Он находился рядом, скорее в роли наблюдателя. И еще он всегда проявлял готовность откликнуться на первый

же зов взрослых. Такое послушание удивляло и отталкивало. В детстве Аркадий совершенно не представлял никакого интереса.

После возвращения из Желтороссии отец Сима подал в отставку, а Борис Петрович отправился на Русско-Японскую войну, где в первые же дни получил ранение, вернулся домой, и все его семейство переехало в деревню. С тех пор Сима Аркадия не видела и даже не вспоминала. Но теперь он стал весьма привлекательным молодым человеком. Сима не без интереса искоса за ним наблюдала.

– Поросенок?! – Воскликнул Борис Петрович, радуясь огромному блюду с горячим. – С чем он у нас, а, Матрена?

– Так ведь с яблоками же! – Ответила та.

– Уважили! Ох, уважили! Превосходно! Режь!

Глава 3

Наташа, слегка приподнимая подол модного дорожного платья, грациозной походкой вышла на улицу. Ее встретил легкий порыв теплого летнего ветра. Изящным жестом она придержала на голове шляпку и вдохнула воздух полной грудью, ощущая сладкий запах сирени и еще чего-то еле уловимого, запах детства и до боли знакомой Московской улицы. За нею следовали служанка и няня с Наташиной пятилетней дочкой, Татой, за руку.

У входа ожидал, нагруженный чемоданами, экипаж. Отец Наташи, Сергей Александрович Шереметьевский, придирчиво проверял крепление груза.

– Тут ещё подтяни, – указал он кучеру на ремень и повернулся к дочери, – готовы? Все же... может и я с вами до вокзала?

– Нас и так много, – парировала Наташа. – Федор с вещами справится, – она кивнула на кучера, – и грузчиков возьмем.

– Мне было бы спокойнее, – Сергей Александрович виновато улыбнулся.

– Тогда поехали с нами прямо в Гатчину, – засмеялась Наташа, опираясь на поданную отцом руку и забираясь в экипаж.

За ней последовали служанка и няня. Тату Сергей Алек-

сандрович поднял на руки, поцеловал в щеку, немного покружил и посадил рядом с Наташей.

– Ну все. С богом. Трогай! – Крикнул он кучеру.

Тата развернулась, встала на сиденье коленями и замахала рукой.

Экипаж тронулся.

Наташа одернула дочку:

– Сядь нормально!

Тата села и обиженно сторбилась.

– Спину выпрями!

Наташа многозначительно посмотрела на сидящую напротив няню. Воспитание ребенка входило в ее прямые обязанности. Няня виновато моргнула и поправила юбку на коленях Таты.

Наташа, придерживая шляпку тонкой рукой в черной атласной перчатке, подставила лицо встречному ветру. Она прикрыла глаза и мечтательно улыбнулась.

Наташа покидала Москву без сожаления. Она вообще мало о чем жалела. Легко меняла вкусы в нарядах, легко рассталась со своим первым мужем, Сергеем Мамонтовым, отцом Таты. Он не любил светское общество, модные салоны и развлечения. Жизнь с ним быстро наскучила, и Наташа увлеклась видным офицером Владимиром Вульффертом, став в результате гвардейской женой.

Вульфферт увез ее и Тату в Гатчину, по месту расположения элитного Кирасирского полка. Они поселились в

небольшом двухэтажном доме неподалеку от Варшавского вокзала. Туда она и возвращалась теперь после двухнедельного пребывания в гостях у родителей.

Гатчина – совсем небольшой городок в предместьях Санкт-Петербурга, но здесь кипела жизнь, особенно в летнее время, когда на свои дачи переезжал весь цвет столичного общества.

Окружение блестящих офицеров, их восхищение ею, кружило Наташе голову. Она всегда знала себе цену. А косые женские взгляды попросту старалась не замечать.

Наташа прекрасно вписалась в светскую жизнь Кирасирского полка...

“Приехали!” – Крикнул кучер, останавливая экипаж.

Наташа вздрогнула и вернулась из своих мыслей, которые в последнее время постоянно уносили ее в недавнее прошлое. Бал в офицерском собрании Кирасирского полка, реверанс и сумасшедший круговорот стремительной мазурки под изумленные взгляды окружающих.

Глава 4

Сима внимательно наблюдала за отцом, пытаясь понять его теперешнее состояние. Разговор за столом ожидаемо повернул в сторону Желтороссии – так в России называли Маньчжурию, северную часть Китая, а часто и весь Китай.

Три вещи, по мнению Симы, могли вывести Василия Александровича из равновесия. Первые две – воспоминания о его безвременно ушедшей супруге и любые разговоры о китайцах. И если мать Симы требовала от него погружения во вселенскую грусть, то китайцы рисковали довести до бешенства. Разговор о них находился под негласным запретом в доме.

Сомовы же наоборот считали своим долгом поддержать главу семьи и в сотый раз с интересом выслушать его мемуары о героической молодости, а за одно и рассуждения о мироустройстве Дальнего Востока.

Вмешиваться в серьезный разговор молодой барышне неприлично. Если не обращаются с вопросом, положено молчать. Определенные вольности Сима могла себе позволить лишь в кругу близких. Сейчас она и рада была бы перевести разговор в другое русло, но вынужденно слушала и наблюдала.

Аркадию, уже вполне взрослому мужчине, напротив, принимать участие в беседе очень даже дозволялось. Однако он

до сих пор молчал, глядя в рот Борису Петровичу и ловя каждое его слово.

Сима, непонятно чего ожидавшая от него сначала, теперь поглядывая на Аркадия, лишь слегка кривовато улыбалась.

Она была уже более чем сыта. Долгие годы тренировки научили Симу съедать максимум за первые же минуты застолья. Она, хоть и пыталась выглядеть благовоспитанной барышней, но сделать это получалось далеко не всегда. Поводов вылететь из-за стола и остаться голодной случалось предостаточно.

Теперь Сима мечтала найти какой-нибудь предлог улизнуть от гостей к себе в комнату и уютно устроиться в кресле с томиком любимого Антона Павловича.

– Это ты зря, Василий Александрович, – растягивая слова произнес Сомов, – никакая она не безумная старуха! – Он сделал многозначительную паузу, – удивительная женщина! Представьте себе, держит уже больше пятидесяти лет огромную страну вот так! – Он сжал пальцы в кулак и показал окружающим.

– Абсолютно не имея на это никакого права, – усмехнулся Василий Александрович.

– То-то же! – Воодушевился Сомов, – я же и говорю – удивительная женщина! Из наложниц в императрицы. Это какого ума нужно быть!

– Но ведь народ против и бунтует! – При этих словах Василий Александрович поморщился от неприятных воспоминаний.

наний.

– А народ всегда бунтует. Что в России произошло в девятьсот пятом? Ага! А император у нас законный, венчаный!

– Борис, не стоит так кипятиться, – примиряюще улыбнулась Эмма Карловна, – всем прекрасно известна твоя любовь к китайской императрице!

– Дикая страна, дикий народ! И императрица твоя – дикая! – Василий Александрович не добро сверкнул глазами.

– Господа, господа, – Эмма Карловна, почувствовав в беседе опасное повышение градуса приподняла бокал с вином, – мы забыли о нашей молодежи! А ведь Симочка только что окончила гимназию!

Все, будто спохватившись, перевели взгляд на Симу. Ей стало неуютно.

Эмма Карловна загадочно улыбнулась.

– Дорогая, теперь ты окончила гимназию и стала взрослой! Скажи мне, что это означает? – Она с надеждой посмотрела на Симу.

Сима не ожидала такого вопроса и неуверенно пролепетала:

– Я теперь свободна?

Эмма Карловна удивленно вскинула брови и поставила бокал обратно на стол. Сима пожала плечами. Вероятно ответ был неправильным.

Эмма Карловна немного помедлила и продолжила:

– Наш Аркадий нынче заканчивает юридическую школу...

“Странно”, – подумала Сима. От чего она решила, что Аркадий – до мозга костей потомственный военный?

– А я бы хотела стать актрисой, – неожиданно произнесла она.

Глаза Василия Александровича налились кровью. А вот и третья вещь, способная вывести его из равновесия.

“Вон из-за стола!” – Прозвучало в голове у Симы. Но отец лишь набрал полные легкие воздуха и резко выдохнул.

– Вот как?! – Наигранно воскликнула Эмма Карловна, – а что же главное предназначение женщины? Муж? Дети?

Сима пока о таком не думала, а сейчас и вовсе не могла взять в толк при чем тут юридическая школа Аркадия.

– Теперь все барышни грезят о сцене! – Вмешался Борис Петрович, – а потом раз, и уже замужем. А то и дважды! – Хмыкнул он, закусывая лимоном очередную рюмку коньяка.

– Борис! – Возмутилась Эмма Карловна, но вдруг резко сменила тон и продолжила вкрадчивым голосом, – кстати, как поживает ваша племянница, Наташа? Она же теперь кажется замужем за офицером?

Василий Александрович нахмурился. Пожалуй, из равновесия его могли вывести не три, а четыре вещи.

– Она теперь в Гатчине, – не выдержав, ответила за отца Сима, – ее муж, Владимир Владимирович Вульферт, поручик Эскадрона синих кирасир, – отрапортовала она с гордо-

стью.

– Значит служит под командованием самого Великого князя Михаила Романова?! Вот оно как! – Воодушевился Сомов, – достойная служба!

– Ну вот, Симочка, – обрадовалась Эмма Карловна, – и тебе нужно брать пример с сестры!

– Да уж, пример, – процедил сквозь зубы Василий Александрович, – вертихвостка!

– Папа, ты к ней несправедлив, – возмутилась Сима забыв о приличии.

– Несправедлив?! Да вертихвостка – это самое мягкое ее обозначение! Как, по-твоему, можно назвать женщину, разрушившую жизнь порядочному, во всех отношениях, мужу, музыканту? Любящему ее и потакающему всем ее прихотям!

– Но она полюбила другого! – С чувством выдала Сима.

Василий Александрович вскочил из-за стола и заходил взад и вперед по комнате.

– Другого?! А полюбит третьего? Опять разведется и замуж пойдет? Хороший пример, нечего сказать.

Василий Александрович остановился и с осуждением посмотрел на Эмму Карловну. Та смущенно вздохнула:

– Ну, так уже вряд ли возможно...

– Коли мой глупый брат, присяжный поверенный, не будет потакать ее вечным капризам и устраивать разводы, так и не возможно. Хотя она из него с детства веревки вьет!

– Папа! – Воскликнула Сима и на ее глазах проступили

слезы.

– Что? Вот ты ее все время защищаешь, а ей-то на тебя наплевать! Она, вон, две недели как в Москве, а к тебе и не заехала ни разу!

– Как в Москве? Как две недели? – Опешила Сима.

В комнате стало тихо.

Сима оглянулась. Она вдруг поняла, что все Сомовы молчат, с интересом и недоумением наблюдая за их перепалкой. И еще одна мысль мелькнула в ее голове. Видно, что отец не сильно трезв, но это вряд ли является причиной тому, что он до сих пор не прогнал ее с глаз. Определенно имеется что-то, что его сегодня удерживает.

– Но ты знал, – прошептала Сима, вставая из-за стола и направляясь к выходу, – и мне не сказал.

– Куда?! – Крикнул ей Василий Александрович.

– К Наташе! – С вызовом ответила Сима.

Эмма Карловна ахнула. Она никак не ожидала такой непокорности.

– Поздно! – Победоносно заявил Василий Александрович, посмотрев на часы, – поезда до Петербурга теперь, слава богу, не задерживают.

Сима на секунду замерла, плотно сжав губы, затем сорвалась с места и выбежала из гостиной. Через мгновение послышался сильный хлопок входной двери.

Все оставшиеся переглянулись.

– После замужества это пройдет, – сказал Борис Петрович

и, немного подумав, добавил, – наверное.

– Наверное, – нерешительно вторила ему Эмма Карловна.

Василий Александрович молча опустил на стул.

Как на это отреагировал Аркадий, в принципе, никого не интересовало.

Глава 5

Сима подгоняла извозчика. Не успел экипаж до конца остановиться, она спрыгнула с подножки и побежала на вокзал.

Наташа стояла на платформе у входа в вагон и беседовала с дамой в широкополой шляпе с длинными перьями, подходящей больше для променада чем для путешествия в поезде. Во всем облике Наташиной собеседницы ощущался определенный перебор и читалось желание привлекать взгляды окружающих. Было заметно, что она получает удовольствие, ловя их на себе. Глубокое декольте и яркая помада дополнялись громким уверенным голосом.

– И не говорите, голубушка, – обратилась она к Наташе, – мы с вами в соседних вагонах, бывают же такие совпадения!

Дама старалась спрятать свой взгляд, но невозможно было скрыть, что она смотрит на Наташу оценивающе, с некоторой долей зависти.

Скромное дорожное платье, аккуратно уложенные локоны, открывающие стройную шею. Небольшая, но изящная шляпка. Проникновенные, очаровательные, будто бархатные глаза Наташи производили удивительное впечатление, заставляя окружающих смотреть на нее с неподдельным восхищением.

– Так что заходите на чаек, поболтаем... – Дама прибли-

зилась к самому ее уху и загадочно добавила, – Посплетничаем.

– К сожалению, дочка без меня не засыпает, – невозмутимо соврала Наташа, – и...

Она хотела добавить еще что-то, но сквозь окружающий шум вокзала до нее неожиданно донесся голос Симы:

– Наташа!

Сима уже видела ее и бежала, огибая людей и стоящие на платформе вещи.

– Симка?! – Наташа помахала рукой.

Сима налетела, как ураган, чуть не сбив с ног Наташину собеседницу. На бегу раскрывая объятия она издала победный вопль и повисла на шее у сестры.

– Успела! Я успела! – Сима радовалась, как ребенок.

– Откуда ты взялась? – Спросила Наташа отстраняясь и разглядывая запыхавшуюся Симу.

– От чего ты не сказала, что в Москве? – Вопросом на вопрос ответила та.

Наташа хмыкнула.

– Я писала... но у тебя экзамены...

– Понятно, – вздохнула Сима. Она оглянулась, – а где Тата?

Наташа кивнула на окно купе из-за которого за ними с большим интересом наблюдала Тата.

Сима радостно замахала руками. Тата замахала в ответ.

– Татка, счастливого пути!

Тата приложила к стеклу ухо и щеку, чтобы расслышать Симины слова. Та не долго думая, чмокнула племянницу прямо через стекло. Тата заулыбалась.

Сима повернулась к Наташе.

Мимо прошел вокзальный дежурный.

– Отправление через пять минут, – провозгласил он, – просьба занять свои места!

– Ну как же?! – Расстроилась Сима, – мне так много нужно тебе сказать.

Наташа обняла ее за плечи и снисходительно улыбнулась.

– Симка...

– А сестрица на вас похожа однако! – Бесцеремонно вмешалась дама с перьями. Она стояла рядом все это время и не собиралась уходить.

– Разве?! – Изображая удивление, ответила Наташа, нарочито внимательно рассматривая Симу.

Большие серые глаза, выразительные, но абсолютно лишенные Наташиной томности. Небрежно подобранные густые, вьющиеся волосы, выбивающиеся из-под простой соломенной шляпки. Слегка курносый нос и чуть тронутые загаром округлые щеки...

– Ах да, – опомнилась Наташа, – Симочка, познакомься, Раиса Денисовна Азарова, – она слегка развернула Симу к своей спутнице, – прима нашего Гатчинского театра.

При слове “прима” Азарова просияла, как медный таз. Она еще больше развернула плечи, выпятила грудь и, снис-

ходительно улыбаясь, протянула Симе руку. Та, не заботясь как это может выглядеть со стороны, схватила руку и радостно ее затрясла.

– Вы актриса?! Я так рада! Я тоже мечтаю о сцене! – Зататорила Сима, – у меня уже есть опыт. Вчера прошла премьера в гимназии.

– Не на Остоженке ли случайно? – Удивленно перебила ее Азарова.

– Да! Вы были? – Глаза Симы загорелись огнем надежды, – видели?

Азарова кивнула:

– Мужнина племянница позвала. Но, не припомню, вы тоже одна из этих очаровательных фей?

– Ну нет же! – Расстроено воскликнула Сима, – меня моя любовь зовет! – Сима выставила вперед руку с воображаемой шпагой.

– Боже мой! Рыцарь?! Это вы? – Засмеялась Азарова.

– Вам не понравилось? – Сима расстроено опустила руку.

– Отнюдь, это было великолепно!

– Правда? – Глаза Симы опять засияли.

Послышался удар колокола.

– Просьба занять свои места, отправляемся! – Раздался громкий голос проводника.

– Ах, – опомнилась Азарова, – Наталья Сергеевна, голубушка, до встречи в Петербурге! – Быстрым шагом она направилась ко входу в соседний вагон, но на секунду остано-

вилась и повернулась к Симе, – захотите делать карьеру, приезжайте к нам в театр, составлю протекцию!

Сима растерянно улыбнулась и благодарно кивнула.

– Симка, дай обниму! – Наташа притянула ее к себе, – соберешься воспользоваться ее предложением, – шепнула она на самое ухо, – комната для тебя в нашем доме найдется! – Она хитро подмигнула, – ну все, прощай!

Наташа грациозно вошла в поезд, послала сестре воздушный поцелуй и скрылась в глубине вагона.

Из окна купе за Симой по прежнему наблюдала Тата. Сима махнула ей рукой, Тата ответила тем же. Сима подмигнула одним глазом. Тата попыталась сделать тоже самое, но только скорчила смешную рожицу.

Поезд запыхтел, зашипел, дернулся и поплыл вдоль перрона. Сима пошла рядом. Она показала Тате язык. Тата обиженно выпятила нижнюю губу. За ее спиной на мгновение показалась Наташа. Но поезд уже набирал ход. Сима хотела ей помахать, да так и осталась стоять на перроне с поднятой рукой.

Глава 6

– Для Василия Александровича и тебя! – Глаша положила на белую скатерть, рядом с чашкой шоколада, красивый конверт, перевязанный ажурной тесьмой.

Сима удивленно вскинула брови и криво усмехнулась.

Достав из конверта сложенный пополам лист бумаги она демонстративно откашлялась, раскрыла лист и продекламировала:

– Афанасий Леонтьевич и Анастасия Ивановна Котовы в день бракосочетания дочери своей, Глафиры Афанасьевны с Эрнестом Феликсовичем Нерябовым, покорнейше просят вас пожаловать...

– Да тихо ты, – хихикнула Глаша, оглядываясь на немногочисленных посетителей кафе.

– Так нет же никого, – отмахнулась Сима и продолжила, – просят пожаловать вас на бал и торжественный ужин...

– Сима! – Взмолилась Глаша, – дома прочтешь.

Сима вздохнула.

– Я так и знала! – Она посмотрела в листок на дату, – а чего так скоро то?

– Отбываем по месту службы, – гордо ответила Глаша.

– Далеко?

– В Тамбов... или в Тобольск, не помню.

– Может в Томск? – Сязвила Сима.

– Может, – Глаша картинно закатила глаза, – да какая разница то?!

– Действительно, – улыбнулась Сима, – никакой!

Глаша отхлебнула из своей чашки шоколад и поморщилась.

– Без сахара горько.

– Пей с сахаром.

Глаша отрицательно покачала головой.

– Не могу. Мерки уже сняли.

Сима засмеялась.

– Ну да, не комильфо если на невесте треснет свадебное платье! Не завидую! – Она добавила в свою чашку еще один, уже определенно лишний, кусочек сахара, – эклеры тоже не будешь?

– Не искушай! – Глаша обиженно хмыкнула, – вот выйду замуж и буду делать чего захочу.

– А чего ты хочешь? – Спросила Сима, задумчиво помещивая ложечкой в чашке.

– Я?

– Ну да, ты.

– Выйти замуж за Эрнеста Феликсовича!

– А потом?

– Потом я буду замужем.

– Логично! А что там, в замужестве, ты хочешь делать?

– Много чего. Сама не знаешь?

– Эклеры кушать?

– Причем тут эклеры? – Удивилась Глаша. Она немного подумала и, наклонившись к Симе быстро прошептала, – любить буду и детей рожать!

– И ради этого ты готова уехать в Тобольск?

– Да хоть на край света! – Четко заключила Глаша.

Сима конечно не могла не радоваться за подругу, но то, как у той все просто складывалось, удивляло.

Глашу Котову и Эрнеста Нерябова сосватали родители.

Глаша ждала их первой встречи и уже заранее была влюблена. Она томно вздыхала и переписывала в альбом любовные стихи к своему придуманному образу.

Знакомство не разочаровало! Глаша наполнилась любовью по самую макушку.

Юнкер Нерябов казался весьма сдержанным при их первой встрече, чем заставил Глашу изрядно попреживать. Но все разрешилось очень быстро. Чувства оказались взаимными. Признание состоялось сразу после выпускного спектакля и тотчас последовало предложение руки и сердца.

Вот и все. Как по-написанному. Можно ли так быстро понять, что это и есть тот единственный, с которым хоть на край света?

Неожиданно за спиной Симы прозвучал знакомый голос:

– Барышня Шереметьевская, барышня Котова! Мое почтение!

Сима оглянулась и сразу расплылась в широкой улыбке. Перед ними стоял режиссер Капустин с коробочкой пирож-

ных в одной руке и шляпой в другой.

– Тимофей Данилович! – Воскликнула Сима, – вы один? Присаживайтесь к нам!

– Премного благодарен, – Капустин присел на край стула, – но спешу-с. У маменьки день ангела, – он продемонстрировал коробочку с пирожными, – ожидают к чаю. – Режиссер улыбнулся, – только скажите, как ваши дела?

– Вот, Глаша замуж идет, – Сима указала на конверт с приглашениями.

– Поздравляю, – простодушно улыбнулся Глаше Капустин, – а вы, Серафима Васильевна? Что на счет сцены?

Сима молча вздохнула.

– Вам бы в Петербург! Вся театральная жизнь нынче там, – Капустин мечтательно покачал головой.

Сима продолжала грустно улыбаться. Она не знала, что ответить.

– Без связей, правда, сложно, – вздохнул Капустин. – Вот у меня связей совсем никаких ни в Петербурге ни в Москве. Но! – Он внезапно оживился, – меня пригласили таки в один театр! Через неделю еду!

– Поздравляю! А куда? – Поинтересовалась Сима.

– Ох, далеко. Очень далеко! В Желтороссию. Знаете такой город – Харбин?

– Боже, – опешила Сима, – да там же одни китайцы!

– Вот и ошибаетесь! Харбин построили русские и живут там в основном русские. Ну и китайцы, само собой, тоже

имеются.

Сима поморщилась. С самого детства ей, запуганной отцом, китайцы представлялись чудовищами с желтой, почему-то, потрескавшейся, кожей.

– А хотите, поехали со мной? – Воодушевленно спросил Капустин.

Глаша округлила глаза от ужаса:

– О чем это вы говорите?

– А что, – подмигнул ей Капустин, – я даже готов для этого жениться.

– На ком? – Не поняла Сима.

– Да на вас же, Серафима Васильевна!

– Вы в своем ли уме, Тимофей Данилович?! – Возмутилась Глаша.

– Успокойся, – Сима улыбнулась подруге, – господин Капустин просто шутит.

– Конечно шучу, – подхватил Капустин. – Но, – он многозначительно посмотрел на Симу, – если случайно окажетесь в тех краях, заходите в театр Железнодорожного собрания, я буду там.

– Ну... если только очень случайно, – засмеялась Сима, – зайду, обязательно.

Глава 7

Легкий ветерок колыхнул занавеску на чуть приоткрытом окне. Луч солнечного света чертил тонкую линию от окна по полу к кровати и через помятые белые простыни подбирался к подушке, грозя вот вот нарушить безмятежный сон Тао.

Он лежал на спине, раскинув в стороны смуглые руки. На плече Тао примостилась белокурая женская головка. Жули не спала, но боялась пошевелиться, чтобы его не потревожить. Пусть останется подольше.

Тао – ее любимый клиент. Он сильно отличается от прочих и необычной внешностью и обходительными манерами. Хотя Тао не заказывал никогда шампанского и закусок, но деньгами не обижал. А ещё, Жули очень льстило, что в их “доме” он посещал неизменно только ее, всегда предупреждая о своем приходе запиской.

Снаружи в дверь тихонько постучали.

Жули приподняла голову. Тао не пошевелился. Она невольно им залюбовалась. Утонченные черты лица странным образом сочетались с необыкновенно мускулистым телом. Жули осторожно положила ладонь на его грудь. Рука моментально оказалась захваченной в плен чуть ниже запястья. Тао открыл свои узкие глаза и резко обвел взглядом окружающее пространство.

– Я уснул?

Жули хихикнула:

– Утомился!

Тао чуть заметно усмехнулся:

– Мне пора.

Он отпустил руку Жули, встал и начал одеваться.

Жули бесцеремонно наблюдала за ним с кровати. Это его вовсе не смущало. Повязав галстук и надев модный дорогой пиджак, Тао провел пальцами по своей густой черной шевелюре, откидывая назад длинную челку. Положил деньги на угол комода и, не оборачиваясь, вышел в коридор, где его уже поджидал Чун. Тут же из-за двери напротив появился, застегивая пуговицы на пиджаке, Сишань.

Тао молча кивнул и направился к выходу, оба телохранителя последовали за ним.

На улице Чун подозвал извозчика, и через десять минут они подъехали к входу в Гатчинский театр.

Спектакль вот-вот должен был начаться. Послышался первый звонок.

Троица быстро преодолела лестницу. У входа в ложу их встретили двое охранников в штатском. Они склонились пополам и затем выпрямились по стойки смирно, пропуская Тао. Чун и Сишань остались вместе с ними снаружи.

Прозвенел второй звонок.

Тао быстро поклонился стоящему в ложе статному китайцу. Перед ними в креслах расположились дамы. Китайка, с гладко уложенными волосами и платье с высоким воротни-

ком, закрывающем шею, обернулась. Обернулась и молодая девушка, сидящая рядом, почти точная ее копия.

Тао поклонился и им. Китайка ответила сдержанным кивком головы. Девушка улыбнулась.

Появление Тао не осталось незамеченным окружающими. Из партера и соседних лож на них смотрело множество любопытных глаз.

Внезапно в зале послышался гул. Все разом обратили свои взоры на центральную ложу. Туда вошли и расселись по креслам высокий и очень представительный мужчина в мундире Кирасирского полка и весьма милая дама в сопровождении еще нескольких человек.

В отличие от самого императора, появление в ложе его младшего брата Михаила и сестры Ольги, встречать аплодисментами заведено не было, однако, их прибытие вызывало у публики не меньшее воодушевление.

Михаил заслуживал особое к себе отношение. До появления у императора Николая долгожданного сына, он считался основным наследником российского престола. Да и теперь, случись что, не дай бог, с императором, ему предстоит править государством при малолетнем племяннике в качестве регента.

Тао, как и все остальные, с интересом и уважением посмотрел в царскую ложу. Член монаршей семьи, брат императора, практически небожитель. Но вот он, тут, так близко, и все могут его увидеть.

Как сильно это отличалось от традиций родной страны Тао, Поднебесной или Серединного государства, вокруг которого, по мнению китайцев, крутится весь остальной мир.

Веками китайские императоры и члены их семей живут закрыто, никогда не покидая Гугуна, Запретного города. Простой народ их не видит вовсе, и даже особо приближенные вынуждены приветствовать императора, Сына неба, стоя на коленях, не смея поднять голову.

Тао знал о Поднебесной или, как ее назвала вся Россия, Желтороссии, лишь по рассказам и книгам. Его детство прошло в Европе. В десятилетнем возрасте он вместе с семьей оказался в России.

Наряду с английским, французским и русским языками он свободно владел и китайским, но на родине за свои двадцать семь лет не был ни разу, и это являлось его заветной мечтой.

С третьим, последним, звонком свет погас. Под аплодисменты занавес на сцене медленно пополз вверх.

Глава 8

Вдовствующая императрица Мария Федоровна дождалась, когда лакей в блестящей ливрее накроет небольшой малахитовый столик к чаю и удалится.

– Никки, присядь, – обратилась она к сыну, стоящему у окна и наблюдающему за движением большой лодки, груженной серыми мешками, по спокойной глади Фонтанки.

Николай II, самодержец Российский, с грустью проводил взглядом лодку, скрывающуюся под Аничковым мостом, увенчанным четырьмя композициями скульптора Клодта. “Никто и никогда не сможет укротить этих непокорных коней”, – подумал Николай и вздохнул.

– Каково самочувствие Алексея? – Стараясь не выдавать волнения в голосе спросила Мария Федоровна, – я ожидала, что ты его ко мне привезешь.

– Из Царского путь не близкий, – уклончиво ответил Николай.

Мария Федоровна согласно кивнула. Она взяла чайник и собственноручно налила сыну чай.

– Хочу поговорить с тобою в отношении Миши, – она немного помедлила, – не кажется ли тебе, что принятые нами меры наконец-то подействовали?

– Пожалуй, что да, – согласился Николай, – в последнем докладе тайной полиции сообщается, что госпожа Коссиков-

ская не имеет теперь намерения покинуть Европу. Писать продолжает, но Миша отвечает все реже и не проявляет былого рвения в отношении женитьбы.

– Можно ли нам рассчитывать, что эта опасность для нас миновала? – С надеждой произнесла вдовствующая императрица.

– Я неустанно молюсь за его благоразумие, – улыбнулся Николай.

– Тогда, Никки, не стоит ли нам поспешить с устройством его семейной жизни?

– Пожалуй, – согласно кивнул император, – в тридцать лет давно уже пора остепениться.

– Принцесса Патриция Коннаутская, вероятно, подходящая для нас партия. Как ты это находишь?

– Совершенно с тобой согласен. Она и собой хороша. Сколько ей сейчас?

– Двадцать два. Всего на восемь лет младше Миши. Она определенно составит его семейное счастье.

– Не сомневаюсь, – уверенно заключил Николай.

Безусловно, если Великому князю Михаилу жениться, то только на особе королевской крови. Принцесса Патриция, внучка самой королевы Виктории и племянница Короля Эдуарда VII, подходила ему, как никакая другая кандидатура.

По, введенному в свое время Александром III, зако-

ну, “неравнородные” или “морганатические” браки великих князей оказались под запретом. Женившись на особе низкого происхождения, Михаил терял возможность когда-либо занять престол. Этого Николай и его мать Мария Федоровна никак не могли допустить. Среди прочих кандидатов из состава императорской семьи, по их мнению, достойных никого и близко не было. Пока им, с трудом, но удавалось держать ситуацию под контролем.

Михаил же, после рождения у брата в 1904 году, наконец-то, после четырех дочерей, долгожданного сына Алексея, стал теперь только вторым в очереди на престол. Он почувствовал свободу, влюбился в бывшую фрейлину своей сестры, Александру Косиковскую, и готов был жениться на ней, вопреки увещаниям брата и матери.

Николай, имея родного сына в качестве наследника престола, мог теперь ни о чем не беспокоиться, если бы не одно но. У Алексея обнаружилась гемофилия. Пока царская семья, как могла, скрывала этот факт даже от прочих своих родственников, надеясь на чудо исцеления, но надежды неумолимо таяли.

Следовательно, ситуация с престолонаследием в стране была не так уж проста, как казалось со стороны.

Глава 9

– Голубушка, Наталья Сергеевна! – Воскликнула Азарова, выйдя из своего вагона в Петербурге и увидев на платформе Наташу, – а что господин Вульфферт? Не встречает? – Она не смогла сдержать ехидства в голосе.

Наташа оглянулась. И тут ее взгляд остановился на, стоящей вдалеке, у здания вокзала, высокой мужской фигуре с большим букетом белых роз.

– Увидимся в Гатчине, – поспешно ответила Наташа и, не совсем уверенной походкой, направилась вперед по платформе. Но каждый пройденный шаг вселял в нее все больше уверенности и Наташа прибавила ходу, с трудом сдерживаясь, чтобы не побежать.

В ее голову опять ворвалась стремительная мазурка, бал и изумленные взгляды окружающих.

– С огнем играет госпожа Вульфферт, – произнес появившейся на платформе поручик Азаров. Он поцеловал супругу в щеку, – как доехала, дорогая? – И, не дав ей ответить, добавил, – не стоит тебе с нею общаться, ничем хорошим это не закончится.

Глава 10

Сима и Василий Александрович обедали молча. Сима боялась сказать лишнего, а ее отец не имел даже мыслей к тому, чтобы вести с дочерью беседы.

– Спасибо, – Сима аккуратно положила столовые приборы на тарелку, которую тут же подхватила Матрена и направилась в кухню.

– Можно я попью чай позже, у себя в комнате?

Василий Александрович нахмурился. Он молча налил себе из графина в стакан воды и сделал глоток. Его неспешность моментально заставила Симу заподозрить неладное. Она напряглась.

– Серафима, – Василий Александрович кашлянул и сделал еще глоток, – я считаю, что Аркадий Сомов для тебя прекрасная партия.

– Нет! – Воскликнула Сима.

– Да! – Заключил Василий Александрович и, как ни в чем не бывало, продолжил свою трапезу.

Сима смотрела, как отец невозмутимо режет антрекот, и понимала, что задавать вполне уместный, в ее понимании, вопрос: “ты шутишь?”, не имеет никакого смысла.

– Я могу уйти в свою комнату? – Произнесла она, но теперь в голосе Симы звучал вызов.

Василий Александрович наконец-то оторвался от тарелки

и посмотрел на дочь.

– Это для твоего же блага. Можешь идти.

Сима, стиснув зубы, поднялась из-за стола.

Глава 11

Частица Поднебесной, небольшой мир, резко отличающийся от всего, что его окружает, ограничивался стенами обычного двухэтажного Гатчинского дома.

Сюда, следуя моде, из душного Санкт-Петербурга семья чрезвычайного уполномоченного господина Чжана Шуан Ли приезжала уже четвертое лето.

И внутренний двор, и весь дом обустроили на китайский манер. Резные деревянные колонны крыльца, большой балкон, украшенный яркими фонарями, роскошная пагода, увенчанная золоченой статуей будды, в углу двора – все это напоминало местным обитателям их родные края.

Вернее воспоминания о Поднебесной хранило старшее поколение семьи Чжан и их верные слуги. Сын Тао своей родины не помнил, он покинул ее младенцем. Его сестра Юи родилась в Санкт-Петербурге.

Традиции Поднебесной тут старались поддерживать, не смотря на сложности, вызываемые сильным влиянием извне.

Молодой господин Тао имел определенно больше свободы чем любой его сверстник на родине. Однако семья жила по четким директивам самой вдовствующей императрицы Цыси, неукоснительно подчиняясь ее прямым указаниям.

По воле императрицы, Тао получал уже третье образование, теперь – железнодорожного инженера. Он до сих пор

считался студентом.

И, хотя Тао выглядел гораздо моложе своего возраста, его несколько напрягала эта затянувшаяся учеба.

Тао всей душой стремился в Поднебесную. То, как тоскует по своей родине его отец, господин Чжан, возбуждало в молодом человеке огромную жажду познания.

Однако все его просьбы о поездке, хотя бы ненадолго, господин Чжан резко отвергал.

– Императрица на этот счет не давала своего позволения, неизменно отвечал господин Чжан.

– Но ведь можно спросить, – удивлялся Тао.

– Нет. Мы не можем ничего ни просить, ни спрашивать. Будет воля нашей императрицы, тогда... Нам остается только ждать и надеяться.

– Можно я хотя бы поступлю уже на службу?

– Будет воля императрицы, поступишь, – вздыхал господин Чжан.

– А если я захочу жениться?

– Придет время, нам пришлют для тебя подходящую невесту... А пока, ходи к своей Жули, никто этого не запрещает.

Тао прекрасно знал, что отцу докладывают каждый его шаг. Он привык к этому с самого детства. Но иногда становилось невыносимо обидно...

Выпустить пар помогали упражнения с мечом в импровизированном спортивном зале, обустроенном во дворе дома.

– Будешь зевать или защищаться? – Крикнул Тао одному из своих верных телохранителей. Тот не слишком активно отражал удары меча.

– Вставайте оба! – Велел Тао и остервенело ринулся в бой.

Острые лезвия высекали искры. Двор наполнился звоном металла и боевыми криками. Отражая удары молодого господина, Чун запрыгнул на дровяной сарай. Тао последовал за ним. Сражаясь, они скатились вниз. Тао, сделав кувырок, нанес противнику удар ногой. Тот отлетел к телеге с сеном. Стоящий рядом конь равнодушно фыркнул.

Пока Чун поднимался, Тао расправился с его братом. Он загнал Сишаня в угол, где тот притворно сдался.

– Дерись! – Раздосадованно воскликнул Тао, но Сишань опустил свой меч.

– Что на вас нашло, господин? – Потирая ушибленное плечо, спросил Чун.

Тао опустил меч. Он виновато оглянулся вокруг. На секунду взгляд остановился на окне второго этажа. Оттуда внимательно, но бесстрастно взирала на двор его мать, госпожа Чжан Янлин.

Глава 12

Сима не находила себе места. Завтра Сомовы придут официально свататься. Что делать?

Аркадий Сомов ее судьба? Как Нерябов у Глаши Котовой?

Перед глазами Симы потенциальный жених стоял как деревянный истукан с ничего не выражающей физиономией. Симу передернуло.

Ну нет!

Хотя... Аркадий вполне привлекательный молодой человек...

Могла бы она его полюбить и быть счастлива? Сима внимательно посмотрела на свое отражение в зеркале.

– Глаза сияли, и любовью наполнен был ее счастливый взгляд, – прошептала она и глубоко вздохнула.

Сестра Наташа на вокзале выглядела такой красивой и счастливой. Не мудрено, ведь она ехала к любимому мужчине. Наташа сама его выбрала. Почему Сима не может также сделать свой выбор?

Выйти замуж за Аркадия, чтобы получить независимость от отца, а потом развестись, как сестра, и поступить на сцену?

Но ведь какое-то время с ним придется жить! И развод – это так сложно. Василий Александрович, в отличие от своего

брата, Наташиного отца, доброго и любящего, этого никогда не позволит.

А еще, вдруг дети пойдут...

Сима схватилась за голову и бросилась на кровать.

– Буду рыдать! – Сказала она и уткнулась в подушку.

* * *

Маленькие Сомовы в мундирах с иголки дружно маршировали за своим отцом Аркадием. Сима изо всех сил пыталась к ним пристроиться, но никак не могла попасть в общий ритм марша. Ноги отказывались слушаться, будто она шла с пудовыми гирями. Перед ее глазами возник огромный зрительный зал. Скучающая публика откровенно зевала.

Сима закричала, но ее голос заглушил барабан, глухо отбивающий такт где-то в глубине оркестровой ямы. Аркадий, не оглядываясь, вел шествие вперед. Барабан стучал все сильнее и чаще.

Симе стало холодно и она проснулась.

Огромные капли дождя барабанили по карнизу. В открытое окно залетали брызги.

Сима с трудом поднялась и закрыла окно. Не до конца осознавая, что делает, она достала из шкафа большой дорожный саквояж.

И тут ее охватило чувство похожее на панику. Сима лихорадочно, будто за ней гонятся, начала запихивать в саквояж

все подряд. Платья, туфли... Сгребла, не разбирая, все, что стояло на туалетном столике.

– Деньги! – Она открыла небольшую лаковую шкатулку, – на билет должно хватить!

Сима бросила взгляд на письменный стол и на секунду задумалась.

Написать записку отцу? А надо ли?

Саквояж не закрывался. Сима решительно, не выбирая, выдернула из него пару платьев и защелкнула замок.

Не оглядываясь она направилась к двери и толкнула ее. Дверь не поддавалась. Сима нажала сильнее. Дверь оказалась запертой!

Решимости моментально поубавилось. Она застыла на месте. саквояж выпал из рук.

Вставленный снаружи ключ закрывал замочную скважину.

Как же так?

Нет, она не сдастся!

Сима вытащила из волос шпильку и, засунув в замочную скважину, толкнула ключ.

Снаружи раздался громкий металлический звук. Сима схватила со стола карандаш, встала на четвереньки и просунула карандаш под дверь. Ключ лежал совсем близко... Но неожиданно в коридоре послышались шаги Василия Александровича.

Сима вскочила и схватила саквояж.

Куда?

Она лихорадочно запихнула его под кровать и быстро залезла под одеяло.

Дверь открылась. Отец с минуту постоял на пороге, щелкнул выключателем, погасив свет и вышел. Ключ в замке повернулся два раза.

Сима соскочила с кровати и заглянула в замочную скважину. Пусто!

Она медленно опустилась на пол, прижалась спиной к двери и с тоской посмотрела на увенчанное ажурной решеткой окно, за которым лил холодный дождь. Отражая желтый свет уличного фонаря, капли сползали по стеклу, как большие золотистые слезы.

* * *

С утра, под бдительным присмотром Матрены, Симе позволили посетить ванную комнату, после чего опять заперли. Освободили ее только к обеду.

Василий Александрович строго посмотрел на дочь.

– Не вздумай чего выкинуть!

– И не собираюсь, – спокойно ответила Сима, наигранно изящным жестом поправляя идеально уложенные волосы, – раз вам не терпится от меня избавиться, я приму его предложение. Не извольте беспокоиться!

Василий Александрович удивленно посмотрел на дочь, но

на пороге уже топтались Сомовы и он поспешил к ним навстречу.

Обед прошел идеально. Старший Сомов изрядно заправился коньяком. Эмма Карловна, не переставая, кудахтала. Сима улыбалась, краснела от каждого вопроса и скромно опускала глаза. Василий Александрович поглядывал на нее с некоторым недоумением. Аркадий как всегда молчал.

Наконец наступило время для самого главного.

По команде Аркадий, этот юрист с душой солдафона, вскочил. В его руках Сима увидела маленькую коробочку, перевязанную красной ленточкой.

Она смущенно потупила взор. Щеки горели, как помидор. Сима ахнула, вскочила и выпалила:

– У меня вам тоже приготовлен подарок! Я мигом! – Лучезарно улыбаясь, она выпорхнула из гостинной.

Все, включая Матрену, умиленно заулыбались.

– Ну вот, – воскликнула Эмма Карловна, – а мы переживали!

– А давайте еще по рюмочке, пока суть да дело! – Довольно поглаживая живот предложил Борис Петрович.

Василий Александрович, поддавшись всеобщему воодушевлению, потянулся за графином. Мысль последовать за дочерью, или, хотя бы, отправить Матрену, как он это делал прежде, даже не мелькнула в его голове.

Тем временем, Сима вытащила из-под кровати саквояж,

наспех надела шляпку и, как мышь, неслышно выскользнула за дверь.

Она бежала по улице пару кварталов, не чувствуя тяжести своей ноши. Повернув за угол притормозила, немного отдышалась и окликнула проезжающего мимо извозчика.

Часть II

Глава 1

– Хозяева уехали-с, пускать никого не велено-с. Уходите-с. – С этими словами хмурый слуга захлопнул дверь прямо перед Симиным носом.

– Как уехали? Куда уехали?

– Ничего не знаю-с. – Ответили изнутри.

– Пустите, я подожду! – Сима стукнула кулаком по двери.

– Скоро они-с не вернуться!

– А когда?

– Не докладывали-с.

Сима продолжала стучать, но реакции больше не последовало.

Вот неожиданность! Куда они могли уехать, ведь не собирались? У Наташи тут и нет никого, а ее супруг должен быть занят на службе.

Пока Сима гадала у закрытой двери Вульффертов, что ей делать, из подворотни соседнего дома выехали три всадника и направились вдоль по улице.

Сима, занятая своими мыслями, не обратила на них никакого внимания. Но Тао, возглавлявший эту небольшую процессию, невольно придержал коня. Что-то странно екнуло у

него в груди при виде точеной девичьей фигурки с тонкой талией. Удивительное очарование исходило от этой изящной шеи и завитков светло-русых волос, спадающих на плечи из-под соломенной шляпки.

На секунду замешкавшись, Тао тряхнул головой, прогоняя наваждение, и пришпорил коня.

* * *

К полудню Сима подошла к воротам Кирасирского полка. Постовые смотрели на нее с подозрением и, как ей показалось, даже с некоторой враждебностью.

– Дежурный офицер Катышев! – Отрапортовал металлический голос, – вы спрашивали господина Вульфберта? Могу я поинтересоваться, кем вы ему приходитесь?

– Я сестра его супруги Натальи Сергеевны, – пролепетала Сима, – двоюродная, – зачем-то добавила она.

Постовые и офицер странно между собой переглянулись.

– Милая барышня, – высокомерно заявил офицер, – тут вам не дом свиданий!

Услышав такое, Сима открыла рот от удивления.

– Вам следует вернуться туда, откуда вы приехали, – офицер многозначительно посмотрел на ее саквояж, – поручик Вульферт в данное время отсутствует.

– А когда он вернется? – Сима еле справилась с образовавшимся в горле комом.

– Мне эта информация не известна. Всего хорошего! –
Офицер небрежно отдал честь и развернулся, громко клацнув каблук сапога.

– Постойте! А его супруга... – Сима осеклась. Постовые смотрели куда-то мимо, будто ее и не существовало. Офицер даже не шелохнулся.

Сима еще немного постояла в полном недоумении, после чего подхватила свой саквояж и поплелась прочь.

На душе беспокойно скребли кошки. Что произошло? От чего тут все такие недружелюбные? А ведь сестра писала о Гатчине такие восторженные письма... Где же Наташа, куда они уехали? Кто может знать?

И тут у Симы возникла мысль, которая внушила надежду. Театр! Ну конечно! Раиса Денисовна наверняка все ей расскажет! Спросив дорогу к театру у прохожих, Сима уверенно направилась вперед.

Далеко идти, слава богу, не пришлось. Театр располагался на углу Багговутовской и Новой улиц, в помещении Общественного собрания.

Сима решила не тратить, и без того небольшие, оставшиеся у нее после покупки билетов, деньги на извозчика. Она бодро шагала по залитым теплым летним солнышком зеленым улицам Гатчины. Двухэтажные каменные дома, стоящие вплотную друг к другу, образовывали единую разноцветную линию. Чем-то этот городок напоминал ее родную Москву.

У входа в театр назойливые мальчишки предлагали ку-

пить свежую газету.

– Первый полет русского дирижабля! – Кричал паренек в, висящей на ушах, большой, вероятно отцовской, кепке, – спешите увидеть! Дирижабль готовится к полету в Воздухоплавательном парке! Тетенька! – Мальчишка дернул Симу за рукав, – купите газету, – успеете в Санкт-Петербург посмотреть на дирижабль!

Сима возмущенно одернула руку.

– Какая я тебе тетенька?!

Дирижабль, это конечно интересно, но сейчас Симе было категорически не до него.

Глава 2

– Вы к кому? – Спросил пожилой вахтер, бросив на Симу равнодушный взгляд поверх конторки с надписью “Служебный вход”.

– К госпоже Азаровой! – Уверенно выпалила Сима и, для большей значимости, добавила, – по приглашению!

Всю дорогу сюда она внушала себе мысль, что Азарова обязательно сейчас в театре. По-другому быть не могло! Фантазия рисовала дружескую беседу с Раисой Денисовной за чашкой чая с вкусной булочкой у той дома. Ведь ее наверняка приютят до возвращения Наташи!

– Проходите, только тихо. Идет репетиция.

Сима так обрадовалась этим словам, что забыв спросить, куда идти, бросилась бежать вверх по лестнице.

Вахтер равнодушно пожал плечами, глядя ей вслед.

Однако Сима быстро нашла путь по звуку, то есть, по голосу. Кто-то злой и ужасно раздраженный орал во все горло. Она тихонько заглянула в приоткрытую дверь, ведущую, как оказалось, прямо на сцену.

В зрительном зале, в креслах первого ряда партера, расположилось несколько человек. Перед ними, как тигр в клетке, в разные стороны метался взлохмаченный режиссер и извергал на сцену гром и молнии.

На сцене же, за столом с самоваром и пузатым фарфоро-

вым чайником, в наряде купчихи начала девятнадцатого века, сидела Азарова и недоуменно хлопала глазами.

– Всего одна фраза, Раиса Денисовна! И то, не можете нормально произнести! – Режиссер топнул ногой, – что это за интонация? А? Вы у нас тут, что ли, королева Франции?

Азарова шумно вздохнула.

– Вы добрая, гостеприимная хозяйка! Вы искренне приглашаете Дарью за свой стол! Повторяйте за мной! – Режиссер набрал в легкие воздуха и натянул на свое лицо лучезарную улыбку, – не изволите ли откусать чаю, голубушка, Дарья Ивановна?

– Не изволите ли откусать чаю, голубушка, – при этих словах Азарова с натянутой улыбкой посмотрела на стоящую рядом Дарью и за ее спиной в глубине кулисы неожиданно увидела Симу. Она нахмурилась и после неуместно образовавшейся паузы недовольно закончила, – Дарья Ивановна!

– Ну вот, опять! – Отчаянно взвыл режиссер, – все, я так больше не могу! Перерыв! – Громко чеканя каждый шаг, он выскочил из зала.

Атмосфера сразу разрядилась. Артисты принялись прохаживаться и переговариваться между собой. Некоторые недовольно поглядывали на Азарову, которая продолжала сидеть на месте.

Азарова бросила косой злобный взгляд на Симу и отвернулась.

– Раиса Денисовна! – Не решаясь подойти, кричала та

громким шепотом и махала руками, чтобы привлечь ее внимание. Но Азарова упорно не желала этого замечать, делая вид, что внимательно читает слова пьесы.

– Раиса, тебя там зовут, – произнес над самым ее ухом актер в кафтане и высоких сапогах.

– Кто? – Раиса картинно повернула голову.

Сима в ответ на ее взгляд радостно заулыбалась.

– Ах там, – Азарова нехотя поднялась с места.

– Раиса Денисовна, вы меня помните? Я Сима! Серафима Шереметьевская, сестра Натальи...

– Не нужно так кричать, – оборвала ее Азарова. В ее голосе Симе послышалось раздражение. – Я помню. Пойдемте, – с этими словами Азарова вытолкала Симу из двери наружу. Она оглянулась, нет ли кого поблизости и строго спросила, – зачем вы здесь?

– Понимаете, – затараторила Сима, – я приехала, а Наташи нет. И никто не говорит, когда она вернется! В полку мне тоже ничего не сказали! Но вы же знаете? Правда?

Сима смотрела прямо в глаза с огромной надеждой, но Азарова упрямо отводила взгляд.

– Я не уверена, – медленно произнесла она. Затем, немного подумав, добавила, – но могу разузнать.

Сима расстроено опустила голову.

– Вечером поговорим, после спектакля, – резко закончила разговор Азарова и направилась обратно на сцену.

– Раиса Денисовна, – нерешительно окликнула ее Сима, –

помните, вы обещали мне содействие?

Азарова остановилась.

– О чем вы говорите?

– Вы сказали, если приеду, составите протекцию.

Мимо них прошли несколько актеров. Они с интересом посмотрели на Симу.

– Да что же вы так кричите-то, милочка! – Окончательно разозлилась Азарова, – идите за мной!

Сима, стараясь не отставать и волоча уже изрядно надоевший саквояж с вещами, засемила следом за ней по коридору.

Азарова заглянула в гримерку, но там у зеркала пудрилась какая-то пожилая, полуодетая актриса. Раиса Денисовна недовольно захлопнула дверь.

Они поднялись по лестнице еще на один этаж в костюмерную.

Азарова заглянула. Никого. Она завела туда Симу, поставила прямо перед собой и грозно произнесла:

– Чего вы добиваетесь, милочка? Хотите вот так прийти и сразу получить роль?!

Сима смотрела растерянно, не понимая, что ответить.

– А не большая ли это наглость с вашей стороны? Такие, как вы, тут толпами ходят и все хотят, как Комиссаржевская быть! Но для этого, знаете ли, талант нужен! А ваш талант в чем? В бумажных доспехах по сцене скакать? Так это и не талант вовсе! Это, простите, вообще черти что!

Сима почувствовала, что вот-вот расплатится.

– Вот вам мой совет, – заключила Азарова, – возвращайтесь ка вы в Москву, к папеньке. Он, небось, не в курсе, что вы тут по театрам шляетесь?!

С этими словами Раиса Денисовна указала на дверь.

Сима стояла как вкопанная.

Неожиданно из-за стойки с костюмами вышла молодая невысокая черноволосая женщина в сером платье. Она с осуждением посмотрела на Азарову, которая громко фыркнула, вскинула голову, расправила грудь и сама скрылась за дверью, на которую только что указывала Симе.

Она не любила плакать, но теперь уже не осталось сил сдерживаться. Слезы текли потоком. Сима сделала глубокий вдох, силясь успокоиться, но это не помогло.

Незнакомка протянула ей платок.

– Хотите чаю? – Спросила она спокойным голосом.

Сима согласно кивнула.

Женщина оказалась театральной костюмершей по имени Софья.

– Ну вы и нашли к кому с протекцией обратиться, – качала она головой, наливая Симе уже третью чашку чая, – советую с ней вовсе не связываться.

– Она же сама обещала! Никто за за язык не тянул, – Сима отправила в рот очередную печеньку, – и про мою сестру она что-то знает.

– Это да! – Согласилась Софья, – Азарова все у нас знает.

Та еще сплетница!

После некоторого раздумья Сима с надеждой посмотрела на Софью.

– Мне нужна работа. Очень нужна!

– Тут, к сожалению, я бессильна.

Не успела она договорить, как в дверь заглянул помощник режиссера.

– Софья Павловна, – произнес он, – привели мальчонку на посыльного. Принесите его костюм в третью гримуборную, пожалуйста.

– Сию минуту! – Софья вскочила и через пару секунд уже стояла у порога держа в одной руке костюм посыльного, в другой кепку.

– Вы кушайте, не спешите, – обратилась она к Симе, – я скоро вернусь.

Сима внимательно посмотрела на кепку в ее руке. Такая же, как на мальчишке, разносчике газет.

– Подождите! А для кого этот костюм?

– Да был у нас паренек, играл посыльного, но захворал. Родственники его в деревню забрали. Вот теперь спешно ищут замену.

– А большая у него была роль?

– Да ну какой там! Два выхода да пара слов. – Софья открыла дверь, намереваясь выйти.

– Стойте! – Крикнула Сима, – дайте мне! У меня точно получится.

Сима стояла у большого зеркала. Серые мешковатые штаны оказались широки, пришлось подпоясаться веревкой. Свободная рубаша и сверху бесформенная жилетка скрывали девичью фигуру полностью.

– А волосы? – Скептически заметила Софья, – такого парика у нас точно нет.

Сима упорно пыталась запихнуть непослушную шевелюру под кепку и наконец ей это удалось.

– Ну нет, – покачала головой Софья, – шея выдает, слишком открыта! Снимайте уже все. Отнесу. Не то режиссер разгневается, что долго.

– Подождите! Сейчас все будет хорошо! – Сима схватила со стола большие портновские ножницы. “Шанс! Шанс! Шанс!” – Буквально заорал ее внутренний голос.

Софья даже не успела ахнуть, как на пол одна за другой полетели пряди шикарных волос.

– Боже праведный, – с трудом вымолвила ошарашенная костюмерша.

С тревогой и надеждой, ни капли не жалея о содеянном, улыбающаяся во весь рот Сима, предстала перед режиссером.

– Не плохо, очень даже не плохо! – Обрадовался тот, – говоришь хорошо! А пройдишь ка еще по сцене!

Сима уверенно продефилировала от одной кулисы до другой развязанной мальчишеской походкой.

– Хороший паренек! Бери! Как говоришь тебя зовут?

Сима на секунду замешкалась, после чего выкрикнула:

– Симка! Симка Ше...Шелест! – Она беззастенчиво позаимствовала фамилию Матрены.

– Это Серафим что ли? – Улыбнулся режиссер.

– Именно так!

– Не слушайте вы ее! – Вмешалась Азарова, – девица это,

Антон Макарович!

– Правда? – Режиссер раскрыл рот от удивления, – вы правда, – он кашлянул, – барышня?

Сима согласно кивнула:

– Но ведь вы сказали, что я подхожу?

Режиссер задумался.

– И подходите! – Он с вызовом посмотрел на Азарову. –

А некоторым стоит еще поучиться, чтобы мне указывать! –

Выйдете сегодня вечером! – Приказал он к Симе.

– Уже сегодня? Так сразу? – Она опешила от неожиданности.

– А вы что думали, моя дорогая? – Марш слова учить!

* * *

– Меня утвердили! Меня утвердили! – Повторяла она, не веря своему счастью.

Теперь оставалось решить вопрос – где же переночевать?

Софья заявила, что взять ее к себе не имеет никакой воз-

возможности, но позволила тайно остаться в костюмерной на одну, или максимум, если понадобится, две ночи. Тут стоял внушительных размеров кожаный диван. Он был жесткий и, местами потертый, но это в сто раз лучше, чем, например, скамейка в парке под открытым небом. А там, глядишь, и Наташа вернется...

Глава 3

Конные прогулки действовали на Тао успокаивающе.

Сразу за городом начинались поля. Дойдя неспешным шагом до вершины холма, Тао, полюбовавшись роскошными видами с небольшой возвышенности, пустил коня в галоп, наслаждаясь этой относительной свободой и ощущением, хоть и обманчивым, что он может вот так ускакать далеко-далеко от бесконечной опеки и контроля. Туда, где его не будут преследовать удивленные взгляды окружающих, от которых никуда тут не скрыться, из-за его экзотической внешности.

Тао прекрасно знал, как пренебрежительно относятся в этой стране к его соотечественникам. Многочисленных трудяг – сапожников и торговцев называют узкоглазыми и желтолицыми.

От прямых оскорблений его самого спасает лишь высокое положение их семьи. Никто не смеет сказать Тао в глаза что-то обидное или любым другим образом проявить неуважение. Но некоторая брезгливость окружающих понятна и без слов.

Однако нельзя сбрасывать со счетов, что и на его родине в Поднебесной к чужакам и, особенно европейцам, относятся с еще большим отвращением.

Но все же, в любой недружелюбной обстановке, быть своим среди своих гораздо приятнее, чем чужим среди чужих.

Тао с детства привили любовь к своей родине и по этой причине он иногда чувствовал себя в стране, где вырос и провел практически всю свою жизнь, как птица в клетке.

Однако, день заканчивался. Сегодня опять полагалось быть в театре. Разгоряченный быстрой ездой, Тао подскакал к плетущемся по проселочной дороге телохранителям. Трое всадников развернули коней и спокойным шагом отправились в обратный путь.

Вечером, одетый по последней европейской моде, Тао уже занимал место в их, взятой на весь летний сезон, ложе, стараясь не обращать внимание на любопытные взгляды окружающих.

* * *

Театральный зал Общественного собрания производил впечатление. Конечно он был не такой, как многоярусные театры Москвы, которые привыкла посещать Сима, но достаточно большой.

Партер вмещал не менее двадцати рядов. По окружности располагался один ярус, разделенный на ложи большими мраморными колоннами, упирающимися в высокий сводчатый потолок.

Зал заполнялся превосходно одетой публикой. Дамы в вечерних туалетах, офицеры в накрахмаленных белоснежных воротничках и начищенных до блеска ботфортах...

С нарастающим беспокойством Сима смотрела в узкую щелочку занавеса.

Мамочки! Ее живот бурлил от волнения. Это тебе не гимназия.

Господин Чжан с семьей расположился в ложе в правой стороне. Сима ахнула.

– Что там? – Поинтересовался, стоящий поблизости актер в кафтане.

– Там какие-то басурмане!

– Дай посмотрю, – улыбнулся актер и заглянул в щелку, – это китайский посол, – равнодушно заявил он, – они всегда там.

Сима почувствовав, что сейчас с нею произойдет что-то ужасное, схватилась за живот и не разбирая дороги побежала в уборную.

К своему выходу она успела вернуться, но режиссер за кулисой уже рвал и метал:

– Где посыльный? Куда делся?

– А я предупреждала! – Нашептывала ему на ухо Азарова.

– Раиса Денисовна! – Рывкнул на нее режиссер, – идите уже... на сцену! Ваш выход!

Все выступление прошло для Симы, как в тумане. Она смутно помнила, как вышла, отдала купчихе Азаровой письмо, как произнесла слова.

– Молодец! – Режиссер удовлетворенно хлопнул ее по плечу, но сразу одернул руку, вспомнив, что Сима – барыш-

ня. – Все хорошо! Серафима... как вас по-батюшке?

– Васильевна.

В голове у нее неожиданно прояснилось, – “Меня что, похвалили? Сам режиссер?” – Она расплылась в счастливой улыбке.

Остаток спектакля Сима провела стоя за кулисой, как замороженная наблюдая за происходящим на сцене.

На общий поклон ее впрочем не допустили.

– Куда? – Одернул Симу помощник режиссера, – не положено!

Она расстроилась, но не сильно. Гораздо большее расстройство испытывала в это время Азарова. Исполнители главных ролей выходили на поклон по центру сцены. Она же довольствовалась местом почти у кулисы и все это на глазах Симы! Последнее Азаровой было отчего-то особенно неприятно.

После поклона Раиса Денисовна ворвалась в гримерку, быстро переоделась и, не снимая грима, удалилась, сильно хлопнув за собой дверь.

На улице начинался дождь. Почти вся публика уже разъехалась. Но господин Чжан не торопился покидать театр. В фойе им повстречался банкир господин Мелихов с супругой. С ним чрезвычайный уполномоченный Чжан Шуан Ли имел общие интересы в связи с КВЖД – Китайской Восточной железной дорогой.

Некоторое время они обсуждали какие-то дела. Их супру-

ги перекинулись парой любезностей, а дети Тао и Юи молча ожидали в стороне. Впрочем, Юи молчала всегда. Немая от рождения, она все слышала, но говорить не могла.

Сима оставалась за кулисами пока все на разошлись. Ее переполняли эмоции. Настоящий театр! Еще вчера... нет, даже еще сегодня утром, она об этом только мечтала.

Убедившись, что никто не увидит, Сима вышла на середину сцены. Она поклонилась и послала множество воздушных поцелуев в зал, будто его не закрывал занавес. Зал в ее голове взорвался бурей аплодисментов. С распростертыми руками она закрыла глаза, наслаждаясь этими овациями.

Спустя минуту, сломя голову, Сима неслась по коридору театра. Добежав до гримерки, она толкнула дверь. Там у трюмо пожилая актриса не торопясь стирала с лица грим, зажав уголком рта длинный мундштук с сигаретой.

– А где Раиса Денисовна? – Спросила запыхавшаяся Сима. Стоя на сцене, она неожиданно вспомнила, что Азарова обещала рассказать про Наташу.

– Ушла, – томно произнесла актриса, глядя на свое отражение в зеркале, – жаль, что не навсегда.

Сима припустила вниз по лестнице к выходу.

На улице почти никого. Она завернула за угол и у центрального входа в театр увидела экипаж, в который садилась очень похожая на Азарову дама.

– Раиса Денисовна! – Закричала Сима.

Экипаж тронулся с места.

– Подождите! – Кричала Сима на бегу, но экипаж только набирал ход.

Сима не смотрела под ноги и в результате запнувшись ботинком о выступающий из мостовой булыжник полетела прямо в лужу. Она попыталась подняться, но подвернутая нога не хотела слушаться. Сидя в луже, Сима с досадой смотрела на стремительно исчезающий из виду экипаж.

Неожиданно, перед самым ее носом возникла чья-то протянутая рука. Сима машинально схватилась за нее и встала, но повернув голову, внезапно застыла на месте. На нее внимательно смотрели два хитро сощуренных глаза. Она слегка наклонила голову и тоже подозрительно прищурилась. Хозяин глаз как-то не понятно хмыкнул и тут до нее дошло.

– Китаец! – С ужасом воскликнула она одергивая руку и еле удерживая равновесие на одной ноге.

Китаец высокомерно усмехнулся и резко толкнул ее обратно в лужу.

– Глупый мальчишка, – прошипел он на чистом русском языке.

* * *

Дождь усиливался. Когда Сима, прихрамывая, добралась до служебного входа на ней уже не было ни одной сухой нитки.

– Куда? – Равнодушно спросил вахтер.

– В костюмерную. Вернуть костюм.

Сима громко чихнула и вытерла нос рукавом мокрой рубахи.

– Ну да, – заключил вахтер, выглядывая из-под очков, – а где костюм?

– Вот он... – она растерянно обвела себя взглядом. Вахтер в недоумении нахмурился, а Сима поплелась по лестнице, оставляя за собою мокрые следы.

Переодевшись и наспех застирав под краном в уборной испачканные в грязи штаны, она крепко уснула на диване завернувшись в большую меховую шубу, удачно обнаруженную среди костюмов.

То ли от тепла шубы, то ли от огромной усталости сон настиг ее моментально, стоило только закрыть глаза.

Глава 4

Сима отчаянно колотила кулаком в дверь Наташиного дома.

На этот раз никто даже не вышел. Совершенно ясно, если там кто и есть, отвечать он ни за что не собирается. Одно Сима поняла наверняка – Наташа не вернулась. И господин Вульферт тоже. Иначе они бы давно распорядились ее пустить.

Наташин теперешний супруг хоть и казался несколько выскомерным и слегка заносчивым, но его хорошее воспитание не позволило бы держать родственницу на пороге.

Не даром Наташа выбрала именно его. Красивый, статный, образованный да еще и обходительный. У кого угодно голова закружится. И, в отличие от ее первого мужа, Сергея Ивановича Мамонтова, отца Таты, Владимир Вульферт уделял Наташе гораздо больше времени и внимания.

Мамонтова вообще кроме музыки ничего не интересовало. Наташу он конечно тоже любил, но по-своему. Давал ей слишком много воли и ничем хорошим это для него не закончилось.

Теперь с Вульфертом сестра была совершенно точно счастлива. Она определенно нашла того, для кого так хотела стать той единственной и неповторимой.

Наверное, этого хочет любая женщина. Чтобы кто-то за-

был обо всех на свете и думал только о ней.

Волнение, опять охватившее Симу, с этими мыслями понемногу утихло.

Все хорошо. Просто нужно набраться немного терпения.

И действительно, откуда эти переживания? Приехала без предупреждения и с чего-то решила, что они будут сидеть на месте и ждать! Мало ли какие у них дела?

Сима перешла на противоположную сторону улицы и в задумчивости уставилась на дом сестры. И тут ее сердце екнуло. Занавеска в окне второго этажа слегка шелохнулась. Или ей показалось? Нет, кто-то определенно выглядывал в окно!

Сима бросилась к парадной двери и начала колотить в нее с новыми силами.

Там кто-то есть! Почему не пускают? Что происходит?

Но ей никто так и не открыл.

Может это слуга? Просто не желает опять повторять то, что уже сказал вчера? Ох и влетит же ему от хозяев, когда они вернутся! Уговаривала себя Сима. Однако что-то не давало ей покоя.

Она опять перешла улицу.

Рядом с домом большое дерево. Нет. По нему забраться не получится, слишком далеко. Водосточная труба! И под окнами второго этажа достаточно широкий карниз.

Решение было принято! Оставалось дожидаться темноты и переодеться. Барышня, штурмующая дом среди белого дня в платье и шляпке, вряд ли останется незамеченной. Другое

дело – мальчишка под покровом ночи.

Спектакля вечером не ожидалось. Репетиция днем прошла быстро. У режиссера случилась сильная мигрень после вчерашнего гуляния в привокзальном ресторане. Не в состоянии даже ругаться, он неожиданно всех похвалил и отпустил с богом по домам.

– Пару дней в театре будет тихо! – Заключила Софья, – можешь пока тут оставаться, но с жильем нужно что-то решать. Поймают – мало не покажется!

Софья накормила Симу пирогом с картошкой. Это был очень вкусный пирог.

– Домой не хочешь вернуться? – Спросила Софья, глядя, как та с жадностью заглатывает еду.

– Ни за что! – Уверенно заявила Сима.

* * *

Перевалило далеко за полночь. Ясный солнечный день сменился ясной белой ночью!

В ожидании темноты Сима выглядывала из-за угла противоположного дома. Ей казалось, нет, она была совершенно уверена, что отчетливо видит свет не то ночника не то настольной лампы из глубины комнаты на втором этаже, где днем колыхалась занавеска.

Может это комната прислуги? Странно. Обычно прислуга занимает помещения внизу, где-нибудь возле кухни, а не на-

верху, в больших комнатах с высокими потолками. Может, конечно, в отсутствии хозяев, кто-то решил пожить с комфортом в их покоях?

Тянуть смысла не было. Темнее уже, вероятно, не станет.

Подтянув штаны и проверив, крепко ли держит шнурок на поясе, Сима оглянулась по сторонам, ловко вцепилась в водосточную трубу и поползла вверх. Труба издавала неприятный глухой металлический звук.

– Гляди ка, что творит, шельмец! – За спиной Симы слышался грубый мужской голос.

Страх холодком пробежал по позвоночнику куда-то в пятки.

– А-ах ты, маленький воришка! – Вторил первому другой мужской голос, – держи его!

Кто-то дотронулся до ее ноги. Сима обняла трубу и начала отчаянно брыкаться, но сильная рука поймала таки ее за ногу и грубо стащила вниз.

– Пусти! – Завопила Сима, чувствуя железные объятия незнакомца. Из этой мертвой хватки казалось нет спасения, но она не привыкла давать себя в обиду. На даче с деревенскими Сима всегда одерживала победу. Со всей силы она вцепилась зубами в голую руку противника. От боли тот немного ослабил хватку. Сима пнула его по ноге носком ботинка и выкрутившись штопором, как пробка из бутылки, бросилась наутек.

Сима бежала быстро, преследователи начали отставать, но

тут ее подвела нога, подвернутая вчера при падении в лужу. Ее настигли уже у третьего дома. Один, похожий на дворника, в белой рубашке с закатанными рукавами, схватил ее за шиворот и отвесил такую оплеуху, что у Симы потемнело в глазах. Барахтаясь, как котенок, она пыталась брыкаться и царапаться. Даже понимая, что двух здоровенных мужиков одолеть нереально, она все равно не собиралась сдаваться.

– Вот чертенок, чтоб тебя! – Выругался дворник и сжал Симу за загривок так, что она взвыла от боли.

– Уши ему оторвать! – Заявил второй мужик в кожаных сапогах и не заправленной в военные штаны рубашке.

Он протянул к Симе руку, но вдруг на секунду замер и неожиданно отлетел куда-то в сторону. Дворник моментально отпустил Симу и сцепился с кем-то в черном.

Почувствовав свободу, она прихрамывая побежала дальше, но моментально опять попала в чьи-то цепкие лапы.

– Отпусти! – Она попыталась пнуть очередного противника.

– Тс, всю улицу перебудуешь! – Раздался над самым ухом отдаленно знакомый голос. Захватчик прикрыл ее рот рукой и увлек за собой под арку ближайшего дома. – Не брыкайся, не обижу.

На улице слышались ругательства и постепенно стихающий топот чьих-то ног.

Через секунду в подворотне, как тени, беззвучно возникли две фигуры в черном. Одна держала в руке Симины кепку.

Тот, кто ее удерживал что-то сказал на непонятном шикающем языке и фигуры послушно отошли в сторону.

– Ты воришка? – Он обратился к Симе уже на русском, убирая от нее руки. Чувствуя боль во всем теле, Сима обмякла и опустилась на землю.

– Зашибли? – Усмехнулся незнакомец, – так тебе и надо! Не будешь по чужим домам лазать!

Он наклонился, приподнял двумя пальцами ее голову за подбородок и заглянул прямо в глаза.

Симу будто ударило током. На нее опять смотрели два узких хитрых глаза и казалось сейчас они просверлят ее насквозь.

Ее затрясло. Она нащупала на своей шее крестик и прижала его ладонью к телу. Достать из-под ворота рубахи и поцеловать не решилась.

– Пойдем. Отведу тебя домой.

– Домой? – Не поняла Сима.

– Где ты живешь? – Спокойно спросил китаец, аккуратно поднимая ее за плечи и ставя на ноги, – идти можешь?

– Могу. Вроде, – Сима попробовала наступить на подвернутую ногу, но скривилась от боли.

– Нога? Давай посмотрю, – он усадил ее обратно на землю и не спрашивая разрешения задрал штанину.

– Не лезь! – Воскликнула Сима.

– Хочешь тут до утра просидеть, пока дворник не придет?

Сима отрицательно замотала головой.

– Как тебя зовут, – спросил китаец, снимая ботинок.

– Сера... Симка меня зовут, – прошептала она, – а тебя?

Он медленно ощупывал ее ногу спускаясь от колена вниз и поднимаясь обратно. Сима ощутила пробежавшие по всему телу мурашки и зажмурилась.

– Тут больно?

Она кивнула. Китаец неожиданно резко дернул ее ступню за пятку. Сима ойкнула.

– Все в порядке! До свадьбы заживет, – он немного помедлил, – у меня необычное имя. Чжан Шэн Тао.

– Чжан Шэн Тао, – машинально повторила Сима.

– Надо же, не ошибся! – Удивился китаец, – можно просто Тао. Меня так все называют. Ну, куда тебя вести?

Сима немного подумала – говорить или нет?

– Я живу в театре. Временно.

– В театре? Погоди-ка, – он внимательно посмотрел на Симу, – так ты – тот вчерашний мокрый грубиян?

– А ты – тот злобный китаец, который толкнул меня в лужу?

– Сам виноват! Вставай уже, хватит рассиживаться, задницу простудишь!

Сима поднялась. Станным образом, она уже не испытывала никакого страха.

– Откуда ты так хорошо знаешь русский?

– А ты зачем в чужой дом полез?

– Нужно было. Почему вы мне помогли?

– Чтобы насмерть не зашибли. Жалко стало. Что-то украл?

– Я не воришка! Я в театре служу! А там... я сестру искал. Тао недоверчиво покачал головой.

– А ты отчаянный, – усмехнулся он, – но драться совсем не умеешь! Могу научить. Хочешь?

Сима пожала плечами. Учиться у китайца?

– На вот, – Тао сунул в ее руку карточку. Я в соседнем доме живу. Отдашь охране, пропустят.

– Ладно, – Сима машинально засунула листок плотной бумаги в карман жилетки, – я пойду, – удивительно, но нога уже почти не болела и она направилась на улицу, – не нужно меня провожать.

– Как хочешь, – опять усмехнулся Тао, – кепку не забудь.

Сима кивнула и поплелась в сторону театра.

Идти в сопровождении китайца по ночному городу? Ну уж нет! Как-нибудь сама доберется. Да и странный он какой-то. Что он тут делает? И почему так хорошо говорит по-русски? Совсем без акцента. И у него такие сильные руки. А глаза! Интересные глаза, необычные. Красивые? Нет! Какая ерунда! Не могут китайцы быть красивыми. Но он вовсе не желтый. И кожа гладкая...

Сима вспоминала, как он нежно трогал ее ногу и краснела. Пришлось даже остановиться, чтобы хорошенько потрянуть головой дабы прогнать это странное наваждение.

Голова сразу закружилась. Не мудрено, после такого под-

затыльника! В общем, обратный путь дался Симе не легко.

И без того светлая ночь становилась еще светлее и подходила к концу, сменяясь, сулящим никому не ведомое, новым днем.

Глава 5

– Боже праведный! Святые угодники! Да как же такое произошло? – От ужаса Софья никак не могла успокоиться.

Губа у Симы распухла, под глазом красовался фингал, на шее проступил внушительный синяк, ногти сломаны, щека красная. Это она еще не видела Симу без одежды.

– Да кто ж тебя так?

К этому разговору Сима подготовилась, придумав заранее легенду.

– Мальчишки! – Без зазрения совести соврала она, – я газету подняла, кто-то выронил. Хотела почитать, а они видать решили, конкурент появился. Вот и поколотили.

– Зачем же ты в костюме то на улицу пошла? Еще и вечером.

– Лень было переодеваться.

– Погоди ка, – Софья внимательно разглядывала Симино лицо, – а щека красная, будто только что приложили! – Она с подозрением нахмурилась.

Сима не хотела рассказывать Софье про еще один инцидент произошедший уже сегодня утром. Боялась расстроить еще больше. Но пришлось.

– Это мне Раиса Денисовна добавила.

Софья в ужасе округлила глаза. На губах застыл немой вопрос.

– За кофту, – вздохнула Сима, – я спала... под голову положила что-то мягкое. Она как выдернет! Говорит, помяла, – шмыгнув носом Сима погладила ладонью красную щеку.

– Вот стерва! – Не сдержалась Софья, – кем она себя мнит?!

– Да ладно, я сама виновата. Нарвалась.

– Это она у меня когда-нибудь нарвется! – Возмутилась Софья.

– А что делать, если режиссеру доложит?

– Он пока добрый ходит. Вчера опять гуляли. Говорят даже с цыганами! Это уже точно на несколько дней. Так что сейчас она докладывать не будет. Подождет, – усмехнулась Софья, – хотя с жильем нужно что-то срочно решать.

Сима согласно кивнула. Но пока решение этого вопроса отодвигалось на второй план.

Теперь она не могла ни о чем думать кроме того, что в Наташином доме кто-то есть. Кто-то кроме слуг. Она в этом не сомневалась. Во время ночной драки этот кто-то наблюдал за нею из окна второго этажа.

Туда непременно нужно попасть! Волнение усиливалось.

Софья с сочувствием смотрела, как Сима прикладывает к лицу мокрую салфетку и озадаченно качала головой:

– Как же ты ходить то будешь? Не пристало барышне с подбитым глазом.

– А я пока в костюме. Можно? Я аккуратно!

– Уж куда аккуратнее! – Засмеялась Софья, – погоди только, после стирки высохнет. Да штаны подлатать нужно.

– Какая ты хорошая, – виновато улыбнулась Сима.

– Плохо ты меня знаешь, – подмигнула ей Софья, – сиди лучше тут и не высовывайся никуда.

– Угу. Так и сделаю, – не моргнув глазом опять соврала Сима.

Жилетку не стирали, только почистили щеткой. Остальное досохнет по дороге, решила Сима, облачаясь в свой костюм и надевая перед зеркалом кепку. Оттуда на нее смотрел теперь самый что не наесть настоящий мальчишка с торчащими во все стороны из-под кепки неровными вихрами и колоритным синяком под глазом.

Вопреки данному Софье обещанию, дождавшись, когда театр опустеет, она выскользнула на улицу и помчалась уже хорошо изученной дорогой.

Прячась за дерево напротив дома Вульффертов, Сима внимательно оглядывалась по сторонам. Нельзя попасться на глаза дворнику. На этот раз точно зашибут, разбираться не будут. В прошлый раз она действовала совершенно безрассудно. Теперь нужно быть осмотрительнее.

Дома стояли вплотную друг к другу. В каждом парадный вход с улицы и арка, ведущая во внутренний двор.

Парадный вход точно не для нее. Попытаться войти под арку, мимо дворницкой – это самоубийство, сразу схватят. А вот интересно, что там под аркой соседнего дома?

Сима оглянулась и быстро перебежала к другому дереву. Выглядывая из-за него через округлый арочный проход она увидела то, что вселило в нее большую надежду! Узкая железная лестница в глубине соседского двора примыкала прямо к стене дома Вульффертов. Поднявшись по ней, можно попасть в окно второго этажа прямо по крыше. Вот так находка!

Остается только пройти через запертые ворота мимо стоящего на страже охранника. Охранника – китайца!

Сима машинально нащупала в кармане карточку, которую дал Тао. Достала. Адрес совпадает. Не долго думая она смело направилась к воротам, но тут же возникший страх, заставил ее притормозить, развернуться и отойти на безопасное расстояние.

Глава 6

Штурм крыши не представлялся для Симы чем-то невозможном. Какие могут быть сомнения, она непременно справится. Подумаешь, высота всего-то двухэтажного дома. Другое дело, грозный китаец со шпагой на поясе. Пройти мимо него требовалось огромного мужества. Разминая ноги, охранник прогуливался под аркой дома. Он то удалялся в сторону двора, то возвращался обратно к воротам.

Сима долго стояла поодаль, не решаясь подойти ближе.

Казалось, охранник не обращает на нее никакого внимания. Сима сделала несколько шагов вперед. Китаец остановился и смерил ее оценивающим взглядом. Сима замерла на месте, как суслик, который надеется, что коршун не заметит его и пролетит мимо. Это сработало. Охранник равнодушно отвернулся и направился прочь. Переведя дух, она сделала еще пару шагов и оказалась у самых ворот. Китаец возвращался. Сима перекрестилась и прижала ладонью на груди свой крестик. Охранник подошел и остановился перед ней, вопросительно глядя прямо в глаза. Симу парализовало от страха. Он немного постоял, вздохнул и опять развернулся, намереваясь продолжить свой путь.

– Лю-любезный, – окликнула его Сима, ужаснувшись писклявости своего голоса.

Охранник повернул голову. Сима, сотрясаясь всем телом,

подала ему сквозь прутья ворот карточку. Он протянул руку. Сима машинально зажмурилась. Но спустя секунду послышался металлический лязг. Ворота распахнулись, любезно пропуская ее внутрь. И, хотя китаец, при этом, весьма дружелюбно кивнул головой, Сима, проходя мимо, предпочла держаться ближе к стене дома, практически утюжа ее спиной. Так она достигла середины арки, остаток пути проделав уже бегом.

* * *

Это сказка? Хотелось ущипнуть себя, но Сима вовремя опомнилась. Казалось, сейчас на ней практически нет живого места.

Широко раскрыв рот и напрочь позабыв о лестнице, она рассматривала большой двор. Поражало обилие ярких красок. Деревянное крыльцо и большой балкон над ним подпирали колонны ярко красного цвета с вырезанными на них драконами. Везде цветы и фонарики с разноцветными стеклами.

Сооружение с затейливой черепичной крышей, похожей на чайку в полете, оказалось чем-то вроде сарая с дровами и соломой. Рядом конюшня. Сима увидела несколько красивых коней с необычно заплетенными гривами, которые смотрели на нее, невозмутимо пожевывая солому.

Под открытой частью сарая, похожей на большую веранду

невозможно было не заметить яркий домик-пряник, сверху которого, поджав под себя ноги, как турченоч, сидела странная круглолицая золоченая фигура. У подножья фигуры в чашах-пиалах, наполненных рисом, торчали тонкие палочки. Они дымились источая сладкий умиротворяющий аромат.

Сима подошла ближе.

– Не двигаться! – Услышала она тихий, но грозный голос. Что-то острое уперлось ей в спину.

Сима замерла на месте и зажмурилась. Воображение дорисовало позади нее дворника с вилами. Неужели он ее увидел, а охранник по-добрососедски пустил его внутрь?

“Конец, – мелькнуло в голове, но эту мысль сразу вытеснила другая, – пусть только попробует!”

Она молнией метнулась к домику – прянику, выхватила палочки, развернулась, выставя их вперед, будто шпагу, и завопила:

– Не подходи! Глаза выжгу!

– Нельзя так делать, – хмуро произнес Тао опуская меч. Он забрал из рук ошарашенной Симы палочки и поставил их обратно, – зачем пришел?

– Ну и шутки, – Сима наконец облегченно выдохнула, – ты меня сам позвал! Не помнишь? – Возмущенно заявила она, – сказал, драться научишь.

Тао оценивающе посмотрел на Симу и усмехнулся, увидев синяк под ее глазом.

Китайцы, кроме узких глаз и сморщенной желтой кожи, в представлениях Сима, все поголовно были коротышами. Тао же, как и двое других, стоящих позади него, ростом обладали, наверное, чуть выше среднего. Во всяком случае, она смотрела на него хоть и весьма нахально но снизу вверх. И еще, Сима вдруг осознала, страх, который она испытывала перед китайцем – охранником всего несколько минут назад, теперь совершенно улетучился.

– Хорошо, – подчеркнуто снисходительно произнес Тао, – мы как раз собирались тренироваться. Так ведь?

Он продолжал смотреть на Симу, не оборачиваясь. Но двое за его спиной, прекрасно понимая, что вопрос адресован именно им, с большой готовностью, согласно закивали. Похоже, и у них с русским языком проблем не наблюдалось.

– Познакомься, Чун и Сишань, мои телохранители.

– Телохранители? Это кто?

– Это те, что охраняют мое тело! – засмеялся Тао.

Оба телохранителя засмеялись вслед за ним.

– А... – понимающе протянула Сима, – у тебя какое-то особенное тело?

– Думаю, что да! Раздевайся!

– Чего?!

– Вспотеешь! И одежда мешать будет, – спокойно заявил Тао скидывая рубашку. Телохранители, последовав его примеру, сделали тоже самое.

Сима не знала куда спрятать глаза. Она вдруг почувство-

вала, что густо заливается краской.

– Начнем! – Скомандовал Тао, – завязывая на голове широкую черную повязку. – Он взглянул на Симу, скрестившую на груди руки крепко сжимающие края жилетки и глубоко вздохнул, – хоть кепку сними! На вот, – он протянул черную ткань, – чтоб волосы не мешали.

Сима взяла повязку, сняла кепку и закрутила головой, ища что-то глазами.

– А зеркала нет? – Наивно спросила она.

Китайцы удивленно переглянулись.

Тао молча забрал ткань, накиннул ей на голову и сильно стянул сзади узлом. Сима ойкнула, но заставила себя промолчать.

Глава 7

Оказалось, что она не то, что не умеет драться, она вообще не умеет ничего! И в первую очередь – не умеет дышать. Правильно дышать. Пришлось начать с дыхательной гимнастики. Такого Сима никогда в своей жизни не делала и приняла это занятие, как забавное развлечение.

Стоя в смешной позе, с ногами на ширине плеч и полусогнутыми коленями, Сима повторяла вслед за Тао движения руками с глубоким вдохом и шумным выдохом, в сопровождении боевого крика.

Видя такое ее веселье, Тао заставил сделать это упражнение сто раз, после чего, Сима стала значительно серьезнее.

Затем ей вручили большой мешок, плотно набитый соломой. Обливаясь потом, она с трудом держала его перед собой, пока Тао яростно молотил по нему то руками то ногами.

Его телохранители делали тоже самое, но в отличие от Симы с Тао они периодически менялись местами.

Потом Тао вручил ей деревянную дощечку, которую нужно было держать сначала низко, потом все выше и выше. При этом он выбивал дощечку из ее рук ногами с разворота.

Дощечка отлетала в сторону и Сима бегала за ней, как собачка.

“Скорее бы это все закончилось”, – мысленно молилась она, поглядывая на лестницу.

Но впереди еще ждала отработка приемов. После очередного падения на землю не нее нашло озарение. Сима в изнеможении доползла до сарая и легла прямо на солому.

– Вставай! Тренировка еще не закончена! – Крикнул Тао.

– Не встану, – твердо заявила Сима, с вызовом игнорируя его укоризненный взгляд, – ты ведь и не собирался меня ничему учить? Тебе просто нужна груша для битья? Так?

Тао нахально, как ей показалось, рассмеялся.

– А ты догадливый! Поднимайся, – он наклонился над Симой и протянул ей руку. Она невольно уткнулась взглядом прямо в его голую грудь.

До сегодняшнего дня Симе доводилось видеть обнаженных мужчин лишь на тех фривольных картинках, что приносила подруга Глаша Котова, которые они рассматривали всем классом в уборной их женской гимназии. Барышни краснели, охали, картинно отводили глаза. Сам просмотр этих картинок смущал, казался прикосновением к чему-то очень запретному и от того сильно бередил кровь.

Все мало мальские познания о человеческой близости Сима получала пока только от более зрелой физически подруги. Сестра Наташа, возможно, просветила бы ее на этот счет гораздо более компетентно, но их разделяло почти целых десять лет. Они никогда не были подружками. Сима тянулась к Наташе всей душой, но та относилась к ней скорее снисходительно. Вместо ответа она всегда мило и загадочно улыбалась на наивно прямолинейные вопросы сестры. Потому

Сима к Наташе с “глупостями” старалась не лезть.

Капельки пота стекали по смуглой коже Тао, отливая золотом в ярком солнечном свете.

В тех мужчинах с картинок не замечалось и доли мужественности, которая исходила от этих загадочных восточных мускулистых парней.

К своему стыду Сима чувствовала, что ее смущение уже давно сменилось любопытством и она тайком разглядывала Тао во время тренировки.

Между тем, Сима ощутила его горячее дыхание прямо у своего лица и неожиданно почувствовала странное желание прижаться к его влажному крепкому телу.

Как кролик перед удавом она прикрыла глаза и покорно вложила свою руку в его открытую ладонь.

Последовал резкий рывок, кувырок и вот она опять на земле не меньше трех метров от сарая. На этот раз падение оказалось жестким и болезненным, не таким, как прежде.

– Ты чего?! – Пропищала Сима. Из ее глаз невольно выступили слезы.

– Руки у тебя, как у девчонки! – Нагло заявил Тао.

– А у тебя как клешни! – Сима бросила в его сторону гневный взгляд. Потирая ушибленный бок она попыталась подняться, но на земле неподалеку что-то блеснуло. Она приложила руку к груди, где всегда висел крестик. Как он мог слететь – не понятно. Сима потянулась за ним, но чья-то чу-

жая рука ловко схватив, подкинула его вверх и так же ловко поймала.

Сима подняла голову. Перед ней, как статуэтка, стояла стройная женская фигура в синем платье с застегнутыми под горло пуговицами идущими наискосок от плеча. Голову незнакомки украшала замысловатая прическа с воткнутыми в нее длинными шпильками в виде цветов.

Незнакомка молча, но очень внимательно рассматривала свою добычу.

– Отдай, это мое! – Потребовала Сима.

Краем глаза она заметила, что все мужчины прикрыли свои голые торсы рубашками, а оба телохранителя еще и склонились в почтительном поклоне.

Тао бесцеремонно забрал крестик из рук незнакомки. Та одарила его нежным взглядом печальных миндалевидных глаз, мельком взглянула на Симу и направилась к входу в дом. Неожиданный порыв ветра встрепенул подол ее шелкового платья и Симе на секунду показалось, что она не идет, а парит в воздухе.

– Цепочка порвалась, я отдам починить, – заявил Тао и положил крестик себе в карман.

Его слова вывели Симу из временного оцепенения.

– Не нужно! Я, – Сима чуть было не сказала “сама”, – я сам, – твердо закончила она.

– Не пропадет, не бойся! Обычно, я ничего не ворую, – подмигнул ей Тао.

– Я не воришка! – Отчаянно выкрикнула Сима, – это все, что у меня осталось от мамы!

Тао опять протянул ей руку.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.